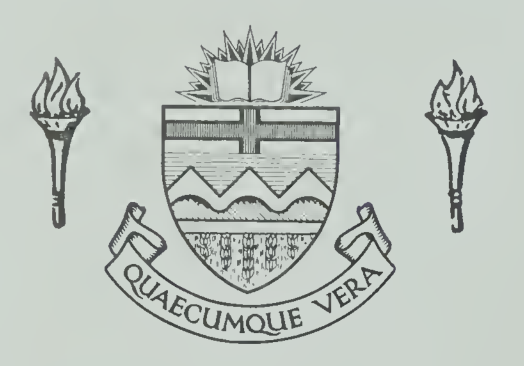

QUAECUMQUE VERA

THE UNIVERSITY OF ALBERTA

АМЕРИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИЛЬФА И ПЕТРОВА

("AMERICA IN THE WORKS OF IL'F AND PETROV")

by

IRENE SUCHOWERSKY

A THESIS

SUBMITTED TO THE FACULTY OF GRADUATE STUDIES

IN PARTIAL FULFILMENT OF THE REQUIREMENTS FOR THE DEGREE

OF MASTER OF ARTS

DEPARTMENT OF SLAVONIC LANGUAGES AND LITERATURES

EDMONTON, ALBERTA

FALL, 1969

UNIVERSITY OF ALBERTA

FACULTY OF GRADUATE STUDIES

The undersigned certify that they have read, and recommended to the Faculty of Graduate Studies for acceptance, a thesis entitled "Америка в произведениях Ильфа и Петрова" -- "America in the works of Il'f and Petrov" submitted by Irene Suchowersky in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts.

An Abstract of

AMERICA IN THE WORKS OF IL'F AND PETROV

The present thesis is an attempt to investigate what sort of image of America a Soviet citizen might acquire from works of Russian literature, in particular from the works of Il'f and Petrov. Various factors have nourished the Russian reader's interest in America, such as emigration for economic, religious and political reasons, the USA's involvement, and its leading role, in the Second World War, and, probably to a great extent, the USSR's frank preoccupation with overtaking and surpassing the United States in the field of technical achievements and development, beginning in the 20's and including the present-day space program.

Il'f and Petrov, themselves average Soviet citizens and at the same time gifted writers and humorists, gave the most conclusive factual account of different aspects of American life as seen by them during the two months they traveled through the United States in their Ford automobile in 1936. The thesis demonstrates that it is through the eyes of these two writers that the Soviet reader gets his most accurate look at the United States, despite the limitations imposed upon Soviet writers by the principles of socialist realism.

By way of comparison, the literary accounts of the USA by three predecessors of Il'f and Petrov, namely Korolenko, Gorky and Mayakovsky, have also been discussed briefly. These three writers visited America in 1893, 1906 and 1925, respectively, and their personal impressions can therefore be legitimately compared with those of Il'f and Petrov.

Other works of Il'f and Petrov are also investigated in this thesis to show the opinion of America which the writers themselves apparently held before their visit to the United States, and the transformation of the image which resulted from their personal acquaintance with that country. This can be clearly seen from their works following the "One-storey America" (or "The Little Golden America" as it was called in the American translation), and especially in the fragments of the unpublished novel by Petrov, who survived Il'f by several years.

ОТ АВТОРА

Автор благодарит проф. О. Старчука за всестороннюю помощь в разработке темы, разыскивании материалов и за стилистические поправки.

А М Е Р И К А В П Р О И З В Е Д Е Н И Я Х
И Л Ь Ф А И П Е Т Р О В А

A M E R I C A I N T H E W O R K S
O F I L ' F A N D P E T R O V

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная задача, поставленная перед собой автором этой диссертации, -- проследить, как Америка, главным образом Соединенные Штаты Америки, представляется заурядному советскому гражданину посредством доступной ему литературы. Для гражданина Советского Союза, который сам не может увидеть Америку, существуют три возможности создать себе образ этой страны: первая -- из советской прессы, вторая -- из рассказов очевидцев, передаваемых из уст в уста, и, наконец, из литературы.

Морис Фридберг считает влияние литературы наиболее значительным. Он говорит, что:

> (the average American) "... persists in picturing the Russian as a gloomy, moody unpredictable individual..."
>
> (the average Russian) "... sees the American as childish, cheerful and, on the whole, rather primitive ..."
>
> "Naturally, we each resent the other side's unjust opinions and ascribe them, respectively, to the malice of capitalist or Communist propaganda. What is to blame for this? Our national literatures ..."[1]

В то время, как Морис Фридберг имеет в виду национальную литературу, с которой гражданин другой страны знакомится в переводе и таким образом может создать себе представление о чужой стране, мы будем разбирать, какое представление об

---

[1] Ilf & Petrov, The Twelve Chairs, N.Y. 1961. Introduction by M. Friedberg p. v..

Америке дают литературные произведения, написанные на русском языке, в которых советский гражданин видит США с точки зрения своего соотечественника.

Конечно, советская пресса старается создать в умах советских граждан образ Америки, подтверждающий официальную идеологическую партийную линию. Это образ ада для трудящегося. Но советский гражданин, встречаясь с официальной пропагандой на каждом шагу и во всех отраслях жизни, давно научился читать между строк. Кроме того, всегда находятся "эксперты", которые слышали что-то "из достоверного источника", т.е. от какого-то знакомого, у которого брат или сват только-что сам возвратился из США. Передаваемые из уст в уста истории, конечно, сильно искажаются.

Очевидно, наиболее достоверным источником остается литература. Тут, однако, необходимо принять во внимание тот факт, что советские писатели обязательно должны придерживаться творческого метода социалистического реализма. Дело в том, что основным принципом социалистического реализма является "правдивое исторически конкретное изображение действительности в её революционном развитии", а важнейшей задачей -- "коммунистическое воспитание масс."[1]

А. Луначарский в статье "О социалистическом реализме"[2] объясняет, что соцреалист "стремится мир переделать", что

---

[1]Большая Советская Энциклопедия, Второе изд., Москва, 1957, т. 40, стр. 180.

[2]Литературное наследство, Москва, 1965, т. 74, стр. 49-52.

главная черта, отличающая этот художественный метод от других, -- это целеустремление, борьба за полное пересоздание общества на социалистических началах. Соцреализм -- это "реализм плюс энтузиазм, плюс боевое настроение."[1] Горький, как основоположник принципов социалистического реализма, говорил, что литература должна стать выше действительности. Поэтому Луначарский утверждает, что "социалистический реализм в известной степени немыслим даже без примеси романтики."[2] Но в таком случае перед нами восстает вопрос, будет ли соцреализм всегда объективен? А если не будет, то каким же образом может он изображать действительность правдиво и конкретно?

Л. Тимофеев видит такие важнейшие черты представителя советского общества, нового советского человека: "гуманизм, мужество, воля, целеустремленность, пафос жизнеутверждения, твердость характера, готовность к подвигу," а также "подчинение конкретной исторической цели в движении к коммунизму, к которой он стремится."[3] Цель советской литературы и искусства -- создание нового человека, отличающегося вышеупомянутыми чертами и "освещение всех явлений действительности в духе коммунистической партийности."[4]

Перед советскими писателями предстает дилемма, как правдиво

---

[1]там же, стр. 5I.

[2]там же, стр. 50.

[3]Тимофеев, Л., Советская литература, Москва, I964, стр. 67.

[4]там же, стр. 69.

изобразить обыкновенного советского человека "освещенного духом коммунистической партийности"? Большинство писателей разрешает это так, что герои их произведений разделяются на положительных и отрицательных. Поэтому в советской литературе обыкновенно видим положительного героя, который олицетворяет идеального человека "нового" социалистического общества и воплощает в себе все необходимые вышеупомянутые черты характера. Он горит незгораемым огнем любви к своей социалистической родине и к коммунистической партии, которая сделала его таким, каким он есть, и ненависти к врагам, и поэтому все время произносит полные пафоса речи в стиле героев классической литературы. Он -- герой в полном смысле этого слова, потому что всякую минуту готов отдать свою жизнь за родину и за коммунистическую партию. В сталинский период герои отдавали свою жизнь в первую очередь за Сталина, но в настоящее время Тимофеев утверждает, что тогда "культ личности стеснял развитие" метода соцреализма в литературе и искусстве.[1]

Далее Тимофеев объясняет, что только в буржуазном классовом обществе писатели стоят на разных позициях и поэтому между ними возникают острые идейные столкновения, в то время как "советских писателей объединяет стремление правдиво отражать жизнь в ее революционном развитии, социалистическое к ней отношение, стремление активно участвовать в строительстве социализма."[2] Таким образом, обязательная близость эстетических

---

[1]там же, стр.67.

[2]там же, стр.73

идеалов советских писателей исключает возможность возникновения различных художественных методов в Советском Союзе. В то же время, по словам Тимофеева, метод социалистического реализма позволяет много форм и стилей, как индивидуальное проявление метода.

Ильф и Петров -- это талантливые юмористы и сатирики. Однако оказывается, что юмор не слишком распространен в советской литературе, так как он не отвечает всем требованиям метода соцреализма. Но об этом речь будет впереди.

Советским писателям разрешается не только изображать явления окружающей их действительности, но также и жизнь капиталистического общества. Как раз это последнее нас интересует в настоящей работе.

Если жизнь в Советском Союзе нужно изображать в ее революционном развитии по дороге к социализму (коммунизму), то жизнь в капиталистическом обществе очевидно необходимо изображать в процессе упадка этого общества. Иначе произведение не будет отображать официальное идеологическое направление, т.е. не будет,по мнению советской критики, освещать явления жизни в духе коммунистической партийности.

Для сравнения, в настоящей работе рассматривается картина Америки, которая предстает перед взором советского читателя из произведений не только Ильфа и Петрова, но также их талантливых предшественников: Короленко, Горького и Маяковского. Каждый из них в свое время совершил поездку по США и писал на основании собственных впечатлений вынесенных из этой поездки.

ГЛАВА I

Ильф и Петров

Илья Арнольдович Файнзильберг (Ильф), 1897-1937, и Евгений Петрович Катаев (Петров), 1903-1942, -- это талантливые писатели-юмористы и сатирики первых двух десятилетий советской власти. Оба родились в Одессе, но впервые встретились в Москве в 1925 г.

Ильф родился в семье банкового служащего, окончил техническую школу, работал в чертежном бюро, на телефонной станции, на авиационном заводе и на фабрике ручных гранат. Потом он редактировал юмористический журнал "Синдетикон", в котором сам писал стихи под женским псевдонимом, работал бухгалтером и был членом президиума одесского союза поэтов. В 1923 г. Ильф переехал в Москву, где всецело отдался литературной деятельности, работая в газетах и журналах.

Евгений Петров родился в семье учителя, в 1920 г. окончил гимназию и некоторое время был корреспондентом Украинского телеграфного агентства. Потом три года служил инспектором уголовного розыска. В 1923 г. Петров переехал в Москву и занялся журналистикой. От 1923 г. он печатался в "Красном перце".

В 1925 г. Ильф и Петров знакомятся в редакции журнала "Гудок", сотрудничают в журнале "Смехач". После совместной

поездки на Кавказ в 1927 г. возникает литературное содружество Ильфа и Петрова.

Писатели принимаются за свой первый роман, который пишут вместе в осенние и зимние месяцы 1927 г. Это роман "Двенадцать стульев", который описывает советскую действительность времен нэпа. С выходом "Двенадцати стульев" связано начало популярности Ильфа и Петрова, "рождение сатирика с несколько необычным, двойным именем".[1] "После ... (многих) приключений разрозненным частям удалось наконец встретиться",[2] пишут Ильф и Петров в предисловии к "Двенадцати стульям" в 1929 г.

После "Двенадцати стульев", в 1929-1935 гг. Ильф и Петров пишут вместе ряд рассказов и фельетонов на бытовые и литературно-культурные темы. В 1931 г. появляется продолжение "Двенадцати стульев" под заглавием "Золотой теленок".

В конце 1935 г. и в начале 1936 г. писатели совершили 10,000-мильное путешествие автомобилем по США, от Атлантического до Тихого океана и обратно, которое заняло два месяца. В результате этой поездки появилась книга в виде путевых записок под заглавием "Одноэтажная Америка".

---

[1] АН СССР, История русской советской литературы, М. 1960, т. II, стр. 302.

[2] Илья Ильф; Евгений Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. I, стр. 24.

Следует еще ряд фельетонов на злободневные темы и большой рассказ "Тоня". I3 апреля I937 г. литературное содружество Ильфа и Петрова прерывается смертью Ильфа от туберкулеза.

Таким образом сотрудничество талантливых писателей-юмористов продолжалось I0 лет. С точки зрения читателя совместная литературная деятельность Ильфа и Петрова была необычайно успешной. Но критика не всегда соглашалась с этим мнением. Для этого существовали различные причины. Прежде всего, в первые годы после революции между критиками господствовало мнение, что в новой литературе нет места для сатиры. Это объяснялось тем, что сатирический жанр употреблялся для осуждения господствующей в дореволюционное время социальной несправедливости и что в условиях новой революционной действительности и порядка сатирическая традиция Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Шевченко, должна неизбежно оборваться. По свидетельству А.Н. Меньшутина , ..."в те годы не раз бралась под сомнение сама возможность развития сатиры в условиях нового социалистического общества",[1] были "всяческие попытки низвести сатиру на роль какого-то второстепенного, мелкого жанра".[2] Некоторые критики полагали, что "сейчас смех вреден" и что

---

[1]АН СССР, История русской советской литературы, М.I960, т. II, стр. 32I.

[2]там же, стр. 30I.

"сатира не может быть смешной".[1] Очевидно, что с того времени произошла кардинальная переоценка ценностей и сатира как литературный жанр была восстановлена в правах гражданства в советском литературоведении.

Во втором издании Большой Советской Энциклопедии читаем: -

> Сатира - один из способов отражения действительности в литературе и искусстве, при помощи которого высмеиваются и обличаются отрицательные общественные явления. Сатира отличается от юмора характером отношения к действительности. Юмор часто обнаруживает комическое и в положительных явлениях жизни, тогда как сатира обычно беспощадно бичует и отрицает тот объект, против которого она направлена. Сатира раскрывает общественное зло и комическую несостоятельность отживающих общественных явлений. Передовая сатира направлена своим остриём против всего, что сковывает общественное развитие ...[2]

Конечно, лезвие у сатиры может быть обоюдоострое и иногда приходится призадуматься над тем, против чего именно оно направлено. Например, в рассказе Ильфа и Петрова "Под куполом цирка" находим такое интересное место: -

> Скамейкин: - <Ждите меня у левой кулисы.> А где левая кулиса? Ага! Если эта правая, значит это левая. (Поворачивается). А если это левая, то эта правая. Какая странная архитектура! Там, где лево, там право, где право, там лево. Прямо диалектический материализм.[3]

---

[1]там же, стр. 32I.

[2]Б.С.Э., Второе изд., М. I955, т. 38, стр. I32.

[3]Илья Ильф; Евгений Петров, Собрание сочинений, М. I96I, т. 3, стр. 503.

Кроме того, в отношение критики к произведениям Ильфа и Петрова нужно принимать во внимание развитие советской литературы вообще. Бернард Гурни, проживающий теперь в Нью-Йорке, писатель, переводчик и книгопродавец, издатель нескольких антологий русской литературы в собственных и чужих переводах, дает такое подразделение русской литературы советского периода: -

I92I - I928 г. - "нэп" в литературе;
до I940 г. - "a game of Russian roulette";
от I940 г. до сегодня - "a not too gentle literary version of musical chairs".[1]

Известно, что особенно сильно доставалось Ильфу и Петрову от рапповцев. РАПП - это Российская ассоциация пролетарских писателей, существовавшая семь лет от I925 г. до I932 г., когда ассоциация была ликвидирована указом Центрального Комитета партии. По свидетельству М. Кольцова, рапповская критика в те годы отрицала "право на существование в советской литературе писателей такого рода, как Ильф и Петров, и персонально их."[2]

Но если рапповцы вели перед в нападках на Ильфа и Петрова, то писатели тоже не оставались в долгу. В их рассказах и фельетонах неоднократно упоминается РАПП.

---

[1] Bernard G.Guerney, An Anthology of Russian Literature, N.Y. 1960, p. xxi.

[2] АН СССР, История русской советской литератури, М. I960, т. II, стр. 302.

В "Литературном трамвае":-

> ... кто-то ... гонится за трамваем ... - Я был первым в очереди. Меня рапповцы замалчивали.[1]

Рапповцы "ни за что не хотят сходить" с литературного трамвая, хотя их "билет уже давно кончился."[2]

В фельетоне "Под сенью изящной словесности" читаем:-

> Никто не спрашивал нас о том, что мы думаем о ... внутрирапповских попутчиках ...[3]

В этом же фельетоне на вопрос, что им больше всего понравилось в "Литературной газете" за 1932 год, писатели отвечают : - "Постановление ЦК партии от двадцать третьего апреля."[4]

Совпадая с ликвидацией ассоциации, после апреля 1932 г. преобладают положительные отзывы о творчестве Ильфа и Петрова. Но после издания "Двенадцати стульев" и "Золотого теленка" в 1948 г. издательством "Советский писатель", уже после смерти обоих писателей, "Литературная газета",

---

[1] Илья Ильф; Евгений Петров, Собрание соченений, М. 1961, т. 3, стр. 173.

[2] там же.

[3] там же, стр. 176.

[4] Это была дата когда РАПП перестала существовать.

официальный орган Союза советских писателей, в феврале 1949 г. помещает список "идеологически вредных" произведений под заглавием:- "Серьезные ошибки издательства <Советский писатель>".[1] В этот список входили оба романа Ильфа и Петрова. Сейчас же после этого критика стала утверждать, что произведения Ильфа и Петрова "искажают советскую действительность" и "нарушают правильную перспективу".[2] Только в конце 50-ых годов мы снова видим реабилитацию обоих писателей, которая выразилась новыми изданиями их произведений и целым рядом положительных критических отзывов, например:-

А.Н. Меньшутин, в Истории русской советской литературы, "Ильф и Петров", 1960
А.В. Вулис, "И. Ильф, Е. Петров", 1960
Л. Яновская, "Почему вы пишете смешно", 1963
А. Старков, "Двенадцать стульев и Золотой теленок", 1969

В 1961 г. выходит полное собрание сочинений Ильфа и Петрова в пяти томах впервые с 1939 г.

Итак мы видим, что произведения Ильфа и Петрова подвергались "игре в музыкальные стулья" даже после смерти самих писателей. Как раз эти явления, эти "перегибы", описывают писатели в своих фельетонах "Головой упираясь в солнце" и "Чувство меры".

---

[1]И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев, Н.Й. 1953, стр. 111.

[2]АН СССР, История русской советской литературы, М. 1960, т. II, стр. 302.

Меньшутин, упоминая противоречивые оценки творчества Ильфа и Петрова, говорит, что тут "в значительной мере отразилась общая слабая разработанность вопросов сатиры".[1] Но главная причина не в том. Ильф и Петров в первую очередь юмористы, а юмор до сих пор не имеет полноправного места в советской литературе. В то время, как в западном мире юмор оценивается очень высоко, советская литература оказалась для него мачехой.

С. Степняк в предисловии к сборнику "The Humor of Russia" говорит:-

> Of all manifestations of literary genius humour is the rarest, and I am not sure that it is not the highest. Laughter is immortal ... whilst the demand for refreshing, invigorating laughter has been in all times the greatest, the number of authors who have come forward to dispense it is surprisingly small, even in the richest literatures.[2]

Сами писатели называли себя юмористами и вели борьбу за право быть ими. В 1931 г. в предисловии к роману "Золотой теленок" Ильф и Петров пишут:-

> - Скажите, - спросил нас некий строгий гражданин, ... почему вы пишете смешно? Что за смешки в реконструктивный период? Вы что, с ума сошли? - После этого он долго и сердито убеждал нас в том, что сейчас смех вреден.

---

[1] там же.

[2] The Humor of Russia, London 1895, Introduction by S. Stepniak.

> \- Смеяться грешно! - говорил он. - Да,
> смеяться нельзя! И улыбаться нельзя!
> ... в конце концов мы постановили ...
> роман написать по возможности
> веселый ... [1]

В I932 г.в"Литературном трамвае" читаем:-

> Хочется посмеяться. И, верите ли,
> смеяться хочется почему-то так
> называемым утробным смехом. Тем
> более это уже разрешено вполне
> официально и, есть слух, даже
> поощряется ...
> ... В ужасных препирательствах
> прошла молодость. Мы спорили без
> конца. Враги говорили, что юмор -
> это низкий жанр, что он вреден.
> Плача, мы возражали. Мы говорили,
> что юмор вроде фитина. В небольших
> дозах его можно давать передовому
> читателю ... [2]

Хотя смеяться "уже разрешается", но в том же году в фельетоне "Под сенью изящной словесности" читаем, что Ильфа и Петрова не печатают в "толстых" журналах, а только в "полутолстых". Причиной этого является то, что они юмористы и могут только вести "уголок юмора", не более. В фельетоне "Отдайте ему курсив" говорится, что если писатель сочинит что-нибудь юмористическое, то его немедленно обвинят в "беззубом зубоскальстве".

В I933 г. "Листок из альбома" начинается такими словами:

> Тепер уже окончательно выяснилось,
> что юмор - это не ведущий жанр. [3]

---

[1] Илья Ильф, Евгений Петров, <u>Собрание сочинений</u>, М. I96I, т. 2, стр. 7 - 8.

[2] там же, т. 3, стр. I72.

[3] там же, стр. 23I.

Таким он остается в СССР и до сих пор. В то время, как описание сатиры занимает в Большой Советской Энциклопедии полных четыре столбца, про юмор мы находим такую лаконическую заметку на шесть строчек:-

> Юмор - эстетическая категория, разновидность комического; изображение событий, человеческих недостатков и слабостей в комическом, смешном виде. Юмор следует отличать от обличительной сатиры и от иронии, которая может принимать язвительный и саркастический характер. [1]

Во многих критических анализах произведений Ильфа и Петрова вопрос ставился прямо: сатира или юмор? Меньшутин подает такие основные принципы, которых необходимо придерживаться советскому сатирику:- 1. нетерпимость ко всему уродливому; 2. способность восхищаться красотой новой действительности и ненавидеть ее врагов.[2] Большая Советская Энциклопедия подтверждает эти исходные позиции:-

> ... В советской литературе и искусстве значение сатиры в борьбе с врагами советского народа и с капиталистическими пережитками в сознании людей очень велико ... Советскую сатиру отличает глубокая уверенность в возможности исправления недостатков ... (сатирические) произведения проникнуты ненавистью к угнетателям. [3]

---

[1]Б.С.Э. Второе издание, М. 1957, т. 49, стр. 394.

[2]АН СССР, История русской советской литературы, М. 1960, т. II, стр. 322.

[3]Б.С.Э. Второе издание, М. 1955, т. 38, стр. 134.

Итак, сатира должна быть злой, обличительной, идеологически направленной не утверждение новой действительности. В то же время юмор - беззлобен, он может даже, "обнаруживать комическое и в положительных явлениях жизни". Очевидно, что этот жанр не укладывается в рамки соцреализма.

Зощенко, например, обвиняли в том, что у него борьба с действительными противниками отступала на второй план, а на первом плане было стремление рассмешить и развлечь читателя. В "Литературном трамвае" Ильф и Петров выступают на его защиту. Три раза повторяется фраза:- "А о Зощенко все еще ничего не пишут". Они говорят, что "похоже на то ... (что он) уже немножко стыдится своего замечательного таланта ... Ему теперь надо говорить так:- Вы, Михаил Михайлович, по своему трагическому дарованию просто Великий Инквизитор ... Приучили человека к тому, что юмор - жанр низкий, недостойный великой русской литературы".[1]

В таком же плане рассматривая произведения Ильфа и Петрова, у некоторых критиков были опасения, что "сатирическую тему авторы иногда решают юмористически, а не средством сатиры".[2] Меньшутин говорит, что прижизненная

---

[1]Илья Ильф, Евгений Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. 3, стр. 175.

[2]АН СССР, История русской советской литературы, М. 1960, т. II, стр. 320.

критика порой делала "неверные утверждения об иронической беззлобности авторов, об их приверженности к смеху ради смеха".[1] Очевидно эта формула так же вредна в СССР, как "искусство для искусства".

Стоит только посмотреть на заглавия теперешних юмористических сборников вышедших в Советском Союзе в шестидесятых годах, например:- "Смехом - по огрехам", "Смех - дело серьезное", как становится ясно, что настоящий, здоровый, веселый смех, "утробный смех" Ильфа и Петрова, не поощряется и теперь в Советском Союзе. Наверно, поэтому, окончательно реабилитировав этих авторов, критики всегда называют их сатириками, только иногда между прочим добавляя, что они также были юмористами.

---

[1] там же, стр. 303.

ГЛАВА II

Предшественники Ильфа и Петрова об Америке

Тема Америки занимала и занимает умы советских граждан на протяжении всего существования Советского Союза. Эта тема интересовала также предыдущие поколения и неоднократно появлялась в русской литературе.

С конца XVIII ст. население обоих американских континентов периодически пополняется иммигрантами с территории Российской империи, а познее - Советского Союза. Америка привлекала и привлекает переселенцев светлыми видениями религиозной, политической и индивидуальной свободы и экономическими возможностями.

Самая ранняя эмиграция по экономическим причинам направлялась из России в Южную Америку, а именно в Аргентину, которая климатом и почвой напоминает земли Украины. В 1794 г. на острове Кодьяке на Аляске была основана русская православная миссия. После того, как в 1867 г. Аляска была продана США, кафедра была перенесена в Сан-Франциско.

В 80-тых годах XIX ст. под натиском православия иммигрировали в США и Канаду, главным образом в штат Северную Дакоту, меннониты с украинских земель и Поволжья, которые старались сберечь лютеранство. Многие из этих немецких колонистов в Америке до сих пор говорят по-русски. В 1899 г. переселилось в Канаду свыше семи тысяч духоборцев

для того, чтобы избежать религиозных преследований и обязательной воинской повинности.

На переломе XIX-XX ст. и в первом десятилетии XX ст. особенно интенсивной была иммиграция по причине экономических условий. Эту иммиграцию описывает Короленко в своем большом рассказе "Без языка". Статистика показывает, что в 1900 г. в США было 955,918 жителей выходцев из России, а в 1910 г. их уже было свыше двух с половиной миллионов.[1] В годы революции и после второй мировой войны это число сильно пополнилось политической иммиграцией.

а. В. Короленко

Уже сами цифры показывают, что гражданину бывшей Российской империи, которому с каких-либо причин приходилось покинуть родину и искать доли по белому свету, Америка представлялась очень привлекательной. Вот как описывает Короленко мечты своего главного героя, волыняка Матвея Лозинского, который только что приехал искать счастья в США и еще не успел хорошенько познакомиться с американской действительностью:-

> Город гремел, а Лозинский, помолившись богу и рано ложась на ночь, закрывал уши, чтобы не слышать этого страшного, тяжелого грохота. Он старался забыть о нем и думать о том, что будет, когда они разыщут Осипа и устроятся с ним в деревне ...
>
> В той самой деревне, которая померещилась им еще в Лозищах, из-за которой Лозищи показались им бедны и скучны, из-за которой они

[1] Eugenii Omelchenko, Russian-American Register, N.Y. 1920, p. 264.

проехали моря и земли, которая виднелась им из-за дали океана, в туманных мечтах, как земля обетованная, как вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, как и старая родина.

Такая же, как и старая, только гораздо лучше ...

Такие же люди, только добрее. Такие же мужики в таких же свитках, только мужики похожи на старых лозищан, еще не забывших о своих старых правах, а свитки тоньше и чище, только дети здоровее и все обучены в школе, только земли больше, и земля родит не по-нашему, только лошади крепче и сытее, только плуги берут шире и глубже, только коровы дают по ведру на удой ...

И такие же села, только побольше, да улицы шире и чище, да избы просторнее и светлее, и крыты не соломою, а тесом ... а может быть и соломой, - только новой и свежей ... И должно быть, около каждого дома - садик, а на краю села у выезда - корчма с приветливым американским жидом, где по вечерам гудит бас, тонко подпевает скрипка и слышен в весенние теплые вечера топот и песни до ранней зари, - как было когда-то в старые годы в Лозищах. А по середине села школа, а недалеко от школы - церковка, может быть, даже униатская.

А в селе такие же девушки и молодицы, как вот эта Анна, только одеты чище и лица у них не такие запуганные, как у Анны, и глаза смеются, а не плачут.

Все такое же, только лучше. И, конечно, такие же начальники в селе, и такой же писарь, только и писарь больше боится бога и высшего начальства. Потому что и господа в этих местах должны быть добрее и все только думают и смотрят, чтобы простому человеку жилось в деревне как можно лучше ...[1]

Такова Америка для Матвея; так он представлял ее себе еще дома, когда покидал родное гнездо и пускался в дальнюю дорогу за океан.

---

[1] В.I. Короленко, Повести и рассказы, М. 1953, стр. 379-380.

Матвея Лозинского создал выдающийся русский писатель-реалист Владимир Галактионович Короленко, тонкий психолог и знаток человеческой души. Короленко родился в Житомире, жил в Ровно, в Москве, потом несколько лет в Сибири в ссылке, в Нижнем Новгороде. В 1893 г. Короленко ездил на Чикагскую выставку. После этой поездки появилась повесть "Без языка".

Эта повесть интересна не только подробными описаниями Нью-Йорка и условий жизни в нем в конце XIX ст., но также тем, что в ней писатель прослеживает чувства, мысли и надежды своих героев, показывает, как они реагируют на новые обстоятельства и как их мировоззрение и личность наконец изменяются благодаря новой обстановке, новым условиям жизни, в которые они попали.

Прежде всего разберем, какие причины побудили наших героев покинуть родину и отправиться искать счастья в далекие края. Сначала отправляется на поиски своей доли Осип Лозинский. Жилось ему на родине не очень плохо, но и не очень хорошо: "земли было мало, аренда тяжелая, хозяйство беднело".[1] Многие другие тоже уходили, но большинство либо возвращались больными, разбитыми, без гроша за душей, либо пропадали без вести. Но Осип Лозинский был "не из тех, что пропадают".[2] Через год

---

[1] там же, стр. 338.

[2] там же, стр. 339.

или два пришло от него письмо для жены его из Америки, штата Миннесоты, в котором он описывал, как ему теперь живется и в приложений высылал ей билет. Вот это письмо как раз и послужило причиной того, что Катерина, жена Осипа, брат ее, Матвей Лозинский-Дышло, и еще его приятель, Иван Лозинский-Дыма, попродавали свое имущество и выбрались в дорогу.

До тех пор в Лозищах мало знали и думали про Америку (США). Но письмо Осипа наделало много шуму. Он писал, что работает на "фарме" работником, но скоро надеется стать сам хозяином; что земли там довольно, а коровы дают молока по ведру на удой; что свобода в этой стране большая и "все остальное очень хорошо";[1] что человека с головой и руками уважают и ценят и что всех людей с ним, Осипом, включительно спрашивают, кого они хотят выбрать президентом. Вот это письмо побудило еще двух Лозинских покинуть родное село в поисках за счастьем и оказалось тем материалом, который дал всем лозщанам, а также наверное и жителям соседних сел, их первое представление об Америке. Приукрашивая слышанное собственной фантазией, или просто интерпретируя непонятное по-своему, рассказчики передавали, что Осип Лозинский разбогател и стал важным человеком в Америке, что с ним уже советуются, кого выбрать в президенты. Слово "свобода" не сходило с языков в те дни, хотя

---

[1]там же.

не все лозищане хорошенько понимали, что именно оно значит. Таким образом, лозищане уже твердо знали и детям своим могли рассказать, что Америка - страна богатая, что в ней свобода и что обыкновенный человек может разбогатеть и добиться положения за несколько лет. Да и не один лозищание так думали. Старик-кабатчик в Гамбурге говорит нашим путешественникам:- "... говорят, американцы народ свободный и гордый ... Молодые датчанки и шведки в год-два зарабатывают там хорошее приданое".[1]

Так создается картина Америки у тех, которые ее никогда не видели. А что случается с теми, которые приезжают в Нью-Йорк как иммигранты? Они высаживаются на берег в своих белых свитках и бараньих шапках и с узелками в руках. Шум, гам и сутолка оглушают их, уличные дети кидают в них корками бананов, надземные поезда пугают их своим грохотом. Дома они считались степенными, знающими хозяевами, которые знали, что когда сказать, как где повести себя. Но тут они стоят среди улицы перепуганные, точно слепые и страстно хотят вдруг попасть назад в свое село, где жизнь так проста и привычна, где нет грохочущих, летающих над головой поездов, где с каждым можно заговорить. Не известно, что случилось бы с нашими путешественниками, если бы не земляк - еврей, который встречал пароходы и забирал беспомощных приезжих, подобных

---

[1] там же, стр. 347.

нашим героям в свою гостиницу, или "постоялый двор". И вот началась новая жизнь в стране, где всё вверх ногами.

Много раз приходится нашим новым американцам раззевать рот от удивления. Первый по виду "настоящий барин" оказывается босяком, который продает свой голос и за это "босс" из Тамани-холла платит его содержание. Еврей Берко, а тут мистер Борк, владелец гостиницы, объясняет приезжим, что:- "Здесь свобода: все равные, кто за себя платит деньги".[1] Проворный, непостоянный Дыма осваивается довольно легко. Он уже нахватался английских слов, завел новые знакомства, побрился и оделся по здешнему и не видит ничего предосудительного в продавании своего голоса, если за это платят деньги. Но для солидного, покладистого Матвея пустить корни в новую для него землю не так то легко. Он ожидал, что в этой Америке все "такое же самое, как и дома, но только лучше". А тут, "люди летят куда-то, как бешеные, по земле и под землей и даже, - прости им, господи, - по воздуху ... всё кажется не таким, как наше ... не различишь человека, какого он может быть звания ... не схватишь ни слова в человеческой речи" ... а ... "за крещеным человеком бегают мальчишки так, как в нашей стороне бегали бы разве за турком ... "[2]

---

[1]там же, стр. 367.

[2]там же, стр. 369-70.

Но он не один. Многим людям, которые прожили тут уже долго, тоже не нравится Америка. Каждый из них имеет свои собственные причины на это. Мистер Борк только сводит концы с концами на своем "бизнесе". У него раньше была большая и лучшая гостиница. Не нравится ему также, что вера его, так же как и другие, подупадает. И шабаш не празднуют так, как на старом европейском континенте - обстоятельства не позволяют - и сын его уже никогда не будет правоверным евреем, а может быть и совсем отречется от своей веры.

Знакомит нас писатель еще с одной особой, старой барыней в поношенной шелковой мантилье и в старой шляпе, с белой собачкой на ленточке. Она приходит к Берку, чтобы найти себе дешевую и добросовестную домашнюю работницу из прибывших девушек. Что привело барыню в эту страну - остается неизвестным, но она говорит: " - Проклятая страна, проклятый город, проклятые люди!",[1] а немного дальше: - "ясновельможный мистер Борк! В этой проклятой стороне все мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни хлопа, ни барина ... Вот и эти ... снимут завтра свои свитки, забудут бога и тоже потребуют, чтобы их звать господами ..."[2]

После этого следуют удивительные приключения Матвея, когда он потерялся, без знания английского языка не мог

---

[1] там же, стр. 370.

[2] там же, стр. 371.

объясниться с американцами и не мог сам найти дороги обратно в гостиницу. Посредством этих приключений Короленко знакомит читателей с некоторыми чертами американской жизни, как например: бокс, который любят все американцы; вездесущая преса и вечный и неизменный вопрос "How do you like this country?" - "который по наблюдениям репортеров обязаны понимать решительно все иностранцы";[1] оптимизм и твердая вера американца, что Америка - это наилучшая страна, а Нью-Йорк - величайший город в мире; любовь к сенсациям. Мы встречаем полисмена, мистера Гопкинса, бывшего боксера, с его неизменным "клобом", который по всей вероятности мог бы помочь Матвею отыскать квартиру Берка. Но наш герой еще сберегал представление о полиции из дому, где он знал, что лучше держаться подальше от блюстителей порядка. Писатель показывает нам также большой митинг безработных в Центральном парке. Потом Матвей приезжает в Дэбльтоун, где его снова ожидают различные неприятные приключения благодаря незнанию языка и обычаев этой страны. Наконец появляется его спаситель, который тут называется мистер Нилов, но впоследствии оказывется сыном бывшего барина в селе Матвея. С его помощью все недоразумения разъясняются, а газеты подхватывают новую сенсацию и описывают историю Матвея так же восторженно, как раньше нападали на того же

---

[1] там же, стр. 408.

Матвея-дикаря, будто бы попирающего законы этой великой страны. При этом судья Диккинсон, который начинал свою карьеру с каменщика и любит этим похвалиться, ловко приписывает себе удачное разъяснение всей истории. Такова Америка в представлении Короленко и, впоследствии, в предствалении его читателей.

А. Котов говорит, что "в Америке Короленко столкнулся с кричащими социальными противоречиями, с массовой безработицей, с безраздельной властью доллара, с нищетой народных масс, с крепостническими порядками в отношении негров. Обо всем этом Короленко и рассказал в повести "Без языка" - одном из самых ярких и сильных своих произведений".[1]

С такой односторонней оценкой совершенно невозможно согласиться. Конечно, Короленко показывает США как страну противоречий. Но это тоже страна, в которой существует индивидуальная свобода, в которой один человек другому не целует руки, в которой хороший сильный работник ценится и сам становится хозяином или квалифицированным рабочим через пару лет. Когда Матвей стремится уехать назад на родину, Нилов его останавливает и узнав, что Матвей хочет "клок вольной земли, пару волов, коня, корову", да еще "свою хату, свою жену", ну, и чтобы "молиться по-старому,

---

[1] там же, стр. 542

в своей церкви",[1] Нилов решительно и резко отвечает:- "Все это вы можете найти здесь! ... Вы пережили самое трудное: первые шаги, на которых многие здесь гибнут. Тепер вы уже не дороге. Поживите здесь, узнайте страну и людей..."[2] Сам Нилов уезжает, но не потому, что он не нашел в США того, чего он искал. Его тянет на родину. А Матвей остается.

Проходит два года, и вот мы снова видим Матвея, но на нем уже черный сюртук вместо белой свиты и в его поведении холодная уверенность в своем человеческом достоинстве вместо ласковой и застенчивой покорности прежнего Матвея. Нью-Йорк его уже не страшит. За два года в Америке Матвей переродился, стал другим человеком, и хотя его серце "сжимается сильною, жгучею печалью"[3] при виде корабля отходящего в Европу, он понимает, что у него со старым уже все порвано, что нет ему места больше там, что он уже пустил корни в новую землю. Это делает с людьми Америка за два года. И это перерождение человека главным образом остается в памяти у читателя.

б. М. Горький

В 1906 г. Максим Горький отправился в США. Его первые впечатления об Америке находим в письмах к друзьям.

---

[1]там же, стр. 471

[2]там же, стр. 472

[3]там же, стр. 477

В письме к К.П. Пятницкому Горький говорит, что американцы "слишком бизнесмены - люди, делающие деньги, - у них мало жизни духа".[1] В письме к И.П. Ладыжникову Горький пишет, что "мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими".[2] Интересно употребление эпитета "свободная" Америка во второй цитате, хотя он безусловно употребляется Горьким иронически. Однако, это слово указывает на популярное мнение об Америке среди соотечественников писателя.

Цикл очерков "В Америке" был написал Горьким весною и летом 1906 г. в США и первоначально состоял из четырех очерков: "Город Желтого Дьявола", "Царство скуки", "Mob" и "Чарли Мэн", но позднее последний очерк не включался в цикл. "Город Желтого Дьявола" был напечатан в американском журнале "Аппельтон мэгэзин" и наделал много шуму. Это и не удивительно, так как Горький видит Нью-Йорк, и Америку вообще, через черные очки своих собственных чувств и предубеждений.

Вот пароход приближается к Нью-Йорку. Первые впечатления эмигрантов не очень приятны. Земля окутана

---

[1] М. Горький, Собрание сочинений, М. 1950, Т. 7, стр. 521.

[2] там же

густым туманом, смешанным с дымом, моросит дождь. Из тумана выступает покрытая зеленой окисью, слепая фигура статуи Свободы. Вокруг скользят больше пароходы, как чудовища, мелькают маленькие хищные катера. Вода "изрезана морщинами", грудь ее "изрыта и разорвана железом". Все "стонет, воет, скрежещет", всюду чувствуется присутствие какой-то суровой, тайной силы, которая "однообразно дает толчки всей этой необъятной машине".[1] Когда среди этого механизированного кошмара мы наконец встречаем человека, нашего первого американца, он даже не заслуживает названия "человек", он просто "ошеломленное, оглохшее от шума, задерганное этой пляской мертвой материи двуногое существо, все в черной копоти и масле".[2]

От таких первых впечатлений "лица эмигрантов стали странно серы, отупели, что-то однообразно овечье покрыло все глаза".[3] Очевидно, Горький думает, что такими "овцами" они уже и останутся в Америке навсегда. Вот Горький сводит нас на землю, чтобы показать поближе, куда мы попали. Город "дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием".[4] Он жаден, ненасытен. Квадратные, двадцатиэтажные, тяжелые дома поднимаются "угрюмо и скучно". Они

---

[1]там же, стр. 8.

[2]там же.

[3]там же,

[4]там же.

напоминают неровные, черные зубы. Улица - это "скользкое, алчное горло", а сам город - "желудок из камня и железа, ... который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их ".[1] Этот город, это кошмарное чудовище, вызвано к жизни и одухотворено силой золота, Желтым Дьяволом, который беспощадно опутывает и засасывает человека, пожирает его силы высасывает кровь, оставляя одну безвольную шелуху раба. В то же время, люди почему-то спокойны и довольны.

> Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы ...[2]

Такими образом, Горький вынужден признать, что сами нью-йоркцы не разделяют его мнения о их городе, о их жизни. Они даже "считают себя хозяевами своей судьбы". [3] Но для Горького все проходит через призму его собственного мировоззрения. Вездесущий шум, грохот, суетня угнетают его. Даже море света, воздушные замки электричества на Куни Айланд оказываются вблизи уродливым бредом, ошеломляющим и удручающим блеском сверкающего, холодного огня,

---

[1] там же, стр. 9

[2] там же, стр. II

[3] там же, стр. IO

который опьяняет и "раздавливает сознание".[1] Ему хочется спалить все настоящим, живым, красным огнем, чтобы уничтожить это "мертвое великолепие духовой нищеты".[2]

Такова Америка у Горького. Ее делает такой власть всемогущего капитала, которая разделяет людей на богатых и бедных, развращает и отравляет их души ядом ненависти, зависти и глупоты. Рядом с увеселительными заведениями проповедуют мораль, запугивают ужасами вечных мук. Но и те и другие заведения созданы исключительно для того, чтобы высосать из кармана тяжело заработанный грош.

Вот на площади собирается толпа. Каждый человек в одиночку - всего навсего "двуногое существо" с тупым, непонимающим взором, безвольное и безразличное. Но все вместе эти люди оказываются одним многоногим существом с одним черным телом и множеством голов. Это тело, "угрюмо молчаливое, выжидательно напряженное", называется "Mob".[3] Оно руководится специальными законами бессознательного инстинкта, оно ощущает и видит, но не думает, и сердце его - слепо. Оно готово на все при малейшей провокации. Оно отступает только перед спокойной, самоуверенной силой полицейской палки. И тогда "Mob", жалуясь и негодуя, опять

---

[1] там же, стр. 2I

[2] там же, стр. 22

[3] там же, стр. 35

распадается на свои составные части, и одинокие "двуногие существа" с тупыми глазами расходятся и пропадают в темноте улиц.

Неужели это все, что Горький мог бы сказать об Америке? Хочеться спросить, где же остальная жизнь, где обыкновенные люди со всеми своими надеждами, горестями, радостями, чувствами и переживаниями? Где, наконец, тот сознательный рабочий класс, в который верил Горький, когда говорил на митинге в Нью-Йорке:- "Я не верю в вражду рас и наций. Я вижу только одну борьбу - классовую. Я не верю в существование специфической психологии, вызывающей у белого человека естественную ненависть к человеку черной рассы ..."[1] "Моb" - это не рабочий класс. Он смотрит на хозяина (капиталиста) с интересом и уважением, а на человека, который хочет "разрушить государство, отнять (от капиталиста) все фабрики, железные дороги, суда ..." - как на сумасшедшего, с укором и осуждением.[2] Но в цикле американских очерков Горького почему-то ничего нет, кроме города-чудовища и толпы-чудовища.

После нью-йоркского отеля писатель поселился в частном доме на Стейтен Айленд у супругов Мартин, а лето

---

[1]там же, стр. 522

[2]там ж., стр. 36-7

1906 г. прожил у них же на даче в горах Адирондакс. К сожалению, жизнь вне Нью-Йорка также не нашла отображения в произведениях Горького. Поэтому мы и не можем объяснить, что именно имел в виду Горький, когда сравнивал "здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими". У читателя создается впечатление, что Горький не видит оборотной стороны медали. Для него американская жизнь не имеет трех измерений, не выпукла и многогранна, а плоска как фотография.

в. В. Маяковский

Владимир Маяковский перебывал в США с 27-го июля до 28-го октября, 1925 г., а перед этим около трех недель провел в Мексике. В результате этой поездки появились 22 стихотворения под названием "Стихи об Америке" и очерки "Мое открытие Америки". Большинство этих произведений было написано поэтом еще в Америке.

Цикл "Мое открытие Америки" написан в виде дорожных записок, из которых читатель может получить довольно аккуратное представление о том, что такое Америка. Сам поэт напоминает читателю, что для того, чтобы узнать США по настоящему, нужно было бы пожить в этой стране, а он видел США только из окна вагона и всего только три месяца.[1] Помимо этого Маяковский

[1]Владимир Маяковский, Полное собрание сочинений, М. 1958, Т. 7, стр. 349.

старается вникнуть в сущность американской жизни и передать свои впечатления читателю. Он говорит:- "Цель моих очерков - заставить в предчувствии далекой борьбы изучать слабые и сильные стороны Америки".[1] Из этого видно, что США считались в Советском Союзе сильным противником, которого нельзя недооценивать, с которым нужно будет бороться, с которым уже нужно бороться в сознании своих граждан. Но борьба с этим противником не так легка. Бесконечные лозунги того времени "догнать и перегнать" Америку посредством пятилетних планов уже сами по себе давали представление обыкновенному советскому гражданину, что в США есть что-то, что необходимо догонять. Горьковскую Америку не нужно было бы догонять.

Между Америкой Горького и Америкой Маяковского есть большая разница. Для Горького, Нью-Йорк - это страшилище бредового сна. А Маяковский говорит:- "Я люблю Нью-Йорк в осенние деловые дни, в будни".[2] Ему не нравится многое: вечный грохот центра города - "поезда переезжают ваши уши"[3]; стандартизированные спичечные коробки домов на окраинах, как будто насаженные друг на друга; бессмысленные увеселительные заведения Кони-Айланд. Но в то же

---

[1] там же, стр. 345

[2] там же, стр. 300

[3] там же, стр. 344

время ему нравится грандиозность построек, быстрота передвижения, туннели подземок, лифты, автомобили. О вокзалах он говорит так:

> В одном из фельетонов "Правды" товарищ Поморский скептически высмеял вокзалы Нью-Йорка и поставил им в пример берлинские загоны - Цоо и Фридрихштрассе.
> Не знаю, какие личные счеты у товарища Поморского с ньюйоркскими вокзалами, не знаю и технических деталей, удобства и пропускных способностей, но внешне - пойзажно, по урбанистическому ощущению, ньюйоркские вокзалы - один из самых гордых видов мира.[1]

Горьковская толпа - "Mob" также выглядит совершенно иначе:

> Напрасно вы будете искать по Нью-Йорку карикатурной, литературной прославленной организованности, методичности, быстроты, хладнокровия.
> Вы увидите массу людей, слоняющихся по улице без дела. Каждый остановится и будет говорить с вами на любую тему. Если вы подымете глаза к небу и постоите минуту, вас окружит толпа, с трудом усовещеваемая полицейским. Способность развлекаться чем-нибудь иным кроме биржи, сильно мирит меня с ньюйоркской толпой.[2]

Большое внимание уделено механизации, описаниям автоматов и что именно в них можно купить на пять центов. Техника в Америке вездусуща. В ней Маяковский видит одну странную черту:

---

[1] там же, стр. 300

[2] там же, стр. 303

> При всей грандиозности строений Америки, при всей недосягаемости для Европы быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их удобств и вместительности ... дома Америки, в общем, производят странное временное впечатление.[1]

Но тут же он делает оговорку, что может быть это только кажущееся.

У Маяковского мы видим многонациональный американский народ, каждый представитель которого живет по своим возможностям, но прежде всего старается сам для себя создать эти возможности. Доллар, "бизнес" - это самое главное. Но в то же время он говорит:-

> Легко наговорить ни к чему не обязывающие вещи, избитые, об американцах вроде: страна долларов, шакалы империализма и т.д. Это только маленький кадр из огромной американской фильмы![2]

Поэт старается проанализировать американскую жизнь гораздо глубже. Американцы не скупы: "страна, съедающая в год одного мороженого на миллион долларов, может приобрести себе и другие эпитеты".[3] Он говорит, что в отношении американца к доллару есть поэзия, для него это символ довольства. Детей приучают к "бизнесу" с детства, чтобы они стали "настоящими американцами".[4] Большинство

---

[1] там же, стр. 323-4

[2] там же, стр. 313

[3] там же

[4] там же, стр. 314

американского народа - это мещанская масса, которая включает "почти всю буржуазию и обеспеченную часть рабочего класса",[1] т.е. квалифицированных рабочих и вообще тех, которые имеют работу. Но есть "революционный пролетариат", т.е. безработные, которые напоминают о себе демонстрациями. Поэт не упоминает о том, что получив работу большинство людей из этой последней категории немедленно перешло бы в мещанскую массу, т.е. они приобрели бы себе домик и автомобиль и зажили бы своим маленьким мещанским счастьем не заботясь о переделке мира по марксистской идеологии. Но возможно, что он об этом думает, потому что по его мнению "переоценивать влияние этой коммунистически настроенной, в большинстве иностранной массы ... - наивность".[2]

При всей любви к деньгам, американцы стараются найти "душу, ритм Америки", говорит Маяковский, "начинает становиться модной всякая туземность".[3] Таким образом автор видит старания американцев обрести единое национальное лицо несмотря на классовые различия.

Кроме Нью-Йорка, Маяковский побывал с выступлениями и описывает фабричный город Чикаго и автомобильный Детройт. "Чикагские бойни - одно из гнуснейших зрелищ

---

[1]там же, стр. 319

[2]там же, стр. 320

[3]там же, стр. 330

моей жизни"[1] - пишет он. Чикаго - это столица промышленности и тем самым - коммунистической партии США. Детройт - это столица Форда. Заводы Форда можно осматривать всякому. Фордовская система очевидно была тогда хорошо известна в Советском Союзе. Маяковский вспоминает, что в книге, изданной в Ленинграде в 1923 г. "о предприятии Форда говорят чуть ли не как о вещи, которую без всяких перемен можно перенести в социализм".[2] Описание конвеерной системы, еще более детальное чем у Маяковского, находим позднее у Ильфа и Петрова.

Маяковский сожалеет, что ему не пришлось видеть "деревенских хлебных мест", так как он выступал там, где были русские и еврейские коллонии.[3] Ильф и Петров впоследествии окажутся первыми писателями, которые покажут советскому читателю, как выглядит остальная Америка.

Большинство приезжих прибывают в Нью-Йорк пароходом, и их встречает статуя Свободы. Но Маяковский прибыл в Нью-Йорк поездом из Мексики, а отъезжал пароходом, так что статуя Свободы его не встречала, а провожала. В своем собственном неподражаемом стиле Маяковский пишет:- "Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез".[4]

---

[1] там же, стр. 332

[2] там же, стр. 338

[3] там же, стр. 336

[4] там же, стр. 342

Интересно еще упомянуть отдельные яркие картинки искусно нарисованные поэтом в цикле "Стихи об Америке". Вот Бродвей:

Асфальт - стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки -
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока -
стриты ...
Скрежещет механика,
звон и гам,
а люди
немые в звоне.
И лишь замедляют
жевать чуингам,
чтоб бросить:
"Мек мо́ней?" ...
Тебя ослепило,
ты
осовел.
Но,
как барабанная дробь,
из тьмы
по темени:
"Кофе Максве́л
гуд
ту ди ласт дроп..."
Есть что поглядеть московской братве.
И за́ день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.[1]

---

[1] там же, стр. 55-57

Маяковский верит в коммунизм не меньше Горького, но не боится любить Бродвей или восторгаться чудом техники - Бруклинским мостом, который в те годы был одним из наибольших мостов мира.

... На хорошее
и мне не жалко слов ...
Хоть вы и разъюнайтед стетс
оф
Америка ...
... Я в вечерней
сереющей мерещи
вхожу,
смиренный, на Бруклинский мост ...

Отсюда
безработные
в Гудзон кидались
вниз головой ...
Бру́клинский мост -
да ...
это вещь! [1]

В советской литературе и прессе самоубийцы всегда бывают безработные, жертвы капиталистического строя. Интересно, что иронией судьбы сам Маяковский, не будучи безработным американцем, вскоре покончил жизнь самоубийством.

Маяковский видел также расовую поблему в США. В стихотворении "Свидетельствую" он говорит:

Индейцы думают:
"Ишь -
капитал!
Ну и дома́ застроил
Все отберем
ни за пятак

[1] там же, стр. 83-87

при
социалистическом строе"...
Впрочем зачем
про индейцев врать?
Индейцы
про это
не думают.
Индеец думает: ...
"всё
что отсюда видимо, -
всё это
вытворил белый черт,
заморская белая ведьма.
Их всех бы
в лес прогнать
в один,
и мы чтоб с копьем гонялись ..."
Поди
под такую мысль
подведи
классовый анализ.[1]

Итак, Маяковский старается быть объективным в своих описаниях и добросовестно отображает разные стороны американской жизни. Его стиль дорожных очерков употребляют позднее Ильф и Петров в "Одноэтажной Америке".

---

[1] там же, стр. 58-6I

ГЛАВА III

Тема Америки в романах Ильфа и Петрова

В 1927 г. образуется литературное содружество Ильфа и Петрова. Обоих писателей можно назвать "обыкновенными" советскими гражданами в том смысле, что они были молодыми людьми, выроставшими в условиях ранней советской действительности, которые сами принимали активное участие в формировании этой действительности. Оба были беспартийными - Петров вступил в партию в 1939 г. , уже после смерти Ильфа.

Во время работы над обоими романами писатели еще не видели Америки, но они могли иметь о ней представление из литературы. Можно предполагать, что писатели читали "Без языка" Короленко и "В Америке" Горького, и мы неверное знаем, что они читали описания Маяковского. В "Воспоминаниях про Ильфа" (К пятилетию со дня смерти) Петров пишет в 1942 г. , что Ильф часто читал и восхищался Маяковским.[1]

Нет сомнения, что оба писателя искренне любили свою родину, верили в лучшее будущее, а между тем старались быть честными в своей работе. Они постоянно выступали против халтурщиков в литературе, например,

---

[1] Илья Ильф, Евгений Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. 5, стр. 521.

в фельетонах "Когда уходят капитаны", "Детей надо любить", "Я, в общем, не писатель", "Отдайте ему курсив". Благотворную почву для процветания халтуры творило давление сверху ("Саванарыло", "Как создавался Робинзон"). В фельетоне "Бродят по городу старухи" оказывается, что "литература не такая сложная штука, как до сих пор предполагали, что Флобер с Тургеневым были какие-то водевильные дурни и делали совсем не то, что нужно; оказалось, что все гораздо проще".[1] По плану из редакции необходимо было сотворить следующее: I. Монолог за сжатые сроки сева. 2. Сценку про тягловую силу и мобилизацию кормов. 3. Обозрение: заблаговременный ремонт, запасные части, горючее и смазка тракторов. 4. Пьесу про семена, зерно, картофель и т.д. и куплеты про общественное питание. При этом "на создание всей этой пролетарско-колхозной литературы давался штурмовой срок - пятнадцать дней."[2]

Ильф и Петров также старались вести борьбу с уже в то время намечающимся стопроцентно положительным героем соцреализма. "Рождение ангела" кончается такими словами: "... мы скоро увидим на экране сверхположительного героя, которому не хватает только крыльев, чтобы

---

[1] там же, т. 3, стр. 254

[2] там же, стр. 225

стать заправским ангелом, играющим на цимбалах в райских кущах".[1]

Такими образом можно предполагать, что в произведениях Ильфа и Петрова, мы можем найти не только художественное изображение действительности но и отражение собственного мировоззрения и взглядов авторов.

а. "Двенадцать стульев"

Первое произведение, написанное совместно Ильфом и Петровым, - это роман "Двенадцать стульев" в 1927 г., который был опубликован в журнале "30 дней" No. No. 1-7 за 1928 г. и в том же году вышел отдельным изданием в издательстве "Земля и фабрика". При жизни Ильфа и Петрова роман вышел десятью изданиями, хотя критика сначала обходила его полным молчанием. В декабре 1928 г. Маяковский в публичном выступлении назвал роман "замечательным", но в 1929 г. посыпалась на головы авторов отрицательная критика, роман называли "серенькой посредственностью".[2] Наконец в ранних 30-ых годах на защиту романа стали М. Кольцов и А. Луначарский.

Сюжет романа очень прост. В одном из двенадцати стульев спрятаны брильянты мадам Петуховой и погоня за

---

[1] там же, стр. 152

[2] там же, т. I, стр. 558

сокровищем - это тема проходящая через целый роман. Но, как пишет Ильф в "Записных книжках", "сюжет со стульями (не был) основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы показать жизнь".[1] И действительно, в "Двенадцати стульях" авторы откликаются на все злободневные темы того времени. Сравнивая это произведение с другими произведениями советской литературы, поражает совершенное отсутствие традиционного положительного героя. Главный герой - Остап Бендер - был сначала задуман как второстепенная личность, но впоследствии оказывается "Гулливером среди лилипутов" по выражению Луначарского заимствованного позднее Старковым. Он является наиболее яркой личностью в романе и читатель с интересом следит за его похождениями. Ему не по дороге с советской властью, он совершенно не заинтересован тем, чтобы помагать ей строить социализм. Он - настоящий индивидуалист. В то же время он настолько остроумен и так ловко умеет надуть и обмануть других жуликов, что невольно вызывает симпатию у читателя.

Упоминания о США появляются сейчас же после появления Остапа. Бендер преклоняется перед всем заграничным, но особенно американским. Первая его реплика - как трудно подделать американские доллары. В то же время

---

[1] там же, т. I, стр. 552

подделать советский паспорт "это такой пустяк, что об этом смешно говорить".[1] При этом мы также узнаем, что американские доллары хорошо шли на московской черной бирже и покупались в Киеве.

Несколько страниц спустя мы узнаем, что интересы Остапа гораздо шире, чем черная биржа и доллары. Он говорит:- "... у меня есть ... основания, как говорил Энди Таккер, предполагать, что и я один могу справиться с вашим делом".[2] Бенджамин Таккер - это известный американский анархист-теоретик, книга которого "State Socialism and Anarchism" была издана в 1899 г. Итак, Остап читал кое-что и интересуется политикой. Позднее, в "Золотом теленке", мы узнаем, что он был и в гимназии.

Несколько раз на протяжении романа Остап иронически величает Воробьянинова "предводителем команчей".[3] В то же время он относится к Воробьянинову почти что с любовью, соглашается делиться с ним деньгами и возит его всюду с собой, хотя Остапу было бы удобнее самому отправиться на поиски сокровища.

У Остапа под пиджаком оказывется рубашка "ковбой" в черную и красную клетку.[4] Очевидно такие рубашки в то

---

[1]там же, стр. 62

[2]там же, стр. 65

[3]там же, стр. 66

[4]там же, стр. 67

время были в моде. Остап одевался по моде, носил чищенные ботинки и, когда хорошо себя чувствовал, мурлыкал "Шимми"[1] - модный танец того времени. Так постепенно обрисовывается перед нами образ Остапа Бендера на фоне действительности того времени.

Следующее упоминание о США мы встречаем вместе с интересным персонажем Людоедки Эллочки. Эллочка Щукина умела легко и свободно обходиться тридцатью словами во всех случаях жизни. Однажды Эллочка увидела во французском журнале мод фотографию дочери американского миллиардера Вандербильда и захотела с ней конкурировать. Каждый раз, когда американка появлялась в новом туалете, с мехами и брильянтами, Эллочка обязательно старалась обзавестись тоже новым туалетом, хотя бы из перекрашенной собаки или зайца, что конечно подрезало и без того скудный домашний бюджет и наконец привело к ее разлуке с мужем.[2] Встретив Эллочку, Остап сейчас же увидел, с кем имеет дело, и с уверенностью вступил в свою роль. Предлагая обмен стула на позолоченное ситечко, он говорит:- "Вы знаете, сейчас в Европе и в лучших домах Филадельфии возобновили старинную моду - разливать чай через ситечко. Необычайно эффектно и очень элегантно".[3]

---

[1] там же, стр. 90

[2] там же, стр. 2I5-2I8

[3] там же, стр. 22I

Такой же прием убеждения Остап употребляет позднее, когда он околпачивает васюкинцев, убеждая их, что Васюки будут переименованы в Нью-Москву - очевидный намек на Нью-Йорк - и станут элегантнейшим центром Европы, а потом и всего мира.[1]

Мисс Вандербильд упоминается еще раз в конце романа. Она едет на Сандвичевы острова на собственной яхте, а неугомонная Эллочка не остается в долгу. Она привозит своего мужа, с которым она уже успела помириться, на Кавказ.[2] Вот и все, что мы можем найти в романе "Двенадцать стульев" о США, если не считать одного описания моды московских молодых людей, которые прогуливались возле памятника Пушкина "в пестреньких кепках, брюках-дудочках, галстуках ‹собачья радость› и ботиночках ‹джимми›".[3] Это описание очень походит на моду, которая могла бы прийти из Америки.

Такими образом, упоминаний об Америке в романе не очень много, но они многозначущие. Тенденция очевидна. Главное то, что Америкой интересуются наиболее и постоянно Бендер и Эллочка. Оба эти лица никак не подобают на тип сознательного советского человека, гражданина нового

---

[1]там же, стр. 318

[2]там же, стр. 341

[3]там же, стр. 282

социалистического общества. Наоборот, оба они яркие представители отрицательных явлений действительности того времени. Из этого вытекает, что положительный элемент советского общества не должен интересоваться американской модой и слепо копировать все, что делают американцы. Факт остается, однако, что массе нравится Америка и хитрый Остап умеет это употребить в свою пользу.

б. "Золотой теленок"

Дальнейшие похождения Остапа Бендера описываются во втором романе "Золотой теленок", который печатался в журнале "30 дней" за 1931 г., а в 1933 г. вышел отдельной книгой. Меньшутин говорит, что только благодаря специальному вмешательству Горького "Золотой теленок" был напечатан.[1] Зато потом этот роман был "тепло встречен критикой" и выдержал восемь прижизненных изданий. Особенно восторженные отзывы были даны Горьким и Зощенко.[2]

Первое название, задуманное для романа, было "Великий комбинатор". Над этой книгой писатели работали гораздо дольше, чем над первым романом, несколько раз меняя содержание. Но все таки, независимо от сюжета и от главного героя, этот роман, так же как и предыдущий,

---

[1]АН СССР, История русской советской литературы, М. 1960, т. II, стр. 321.

[2]Краткая литературная энциклопедия, М. 1966, стр. 104-5.

является широким полотном, матералом для которого послужили злободневные жизненные наблюдения, живые отклики на действительность. Многие критики подчеркивают, что, по свидетельству друзей и коллег писателей, многие персонажи имели вполне реальных прототипов, для многих сцен и ситуаций черпался материал непосредственно из жизни, из газет и журналов.[1] Это было настолько очевидно для администрации того времени, что иногда выход книги имел плачевные последствия для некоторых прототипов. Как доказательство, сохранилась заметка Петрова в ответ на статью в "Литературной газете": "Как печально, что из нашего творчества делают оргвыводы. Вероятно, кого-то будут увольнять, это грустно!"[2]

Из всего этого следует, что из произведений Ильфа и Петрова можно довольно аккуратно представить себе жизнь в Советском Союзе в те годы. Если мы встречаем неоднократные упоминания об Америке, то это не выдумка самих авторов, а явление имеющее место в самой жизни. А в "Золотом теленке" мы встречаемся с Америкой гораздо чаще, чем в "Двенадцати стульях". И это уже не только США, а и другие страны Северной и Южной Америки.

---

[1] А. Старков, "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" Ильфа и Петрова, М. 1969, стр. 66.

[2] там же, стр. 67

Прежде всего, Остап Бендер чувствует специальную симпатию к Рио-де-Жанейро и имеет привычку сравнивать с этим городом все, что он в первый раз видит. Действие происходит в городе Арбатове в 1930 г. Появляется Остап. "Нет -(говорит он с огорчением) - это не Рио-де-Жанейро это гораздо хуже".[1] То же самое он повторяет еще несколько раз,[2] как будто стараясь убедить самого себя в том, что его решение уехать в Рио-де-Жанейро правильное. Этот город особенно привлекает Остапа тем, что там все ходят в белых штанах и адрес миллионеров всем известен. Немного позднее, встретившись с другим жуликом, Шурой Балагановым, Остап признается ему, что у него уже с детства было желание уехать в Рио-де-Жанейро, которое он думает теперь осуществить, потому что "у меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу."[3] Рио-де-Жанейро - "это хрустальная мечта моего детства",[4] говорит он Шуре. Оказывается, что Шура даже не знает о существовании этого города, но это не смущает Остапа. Он продолжает открывать перед Шурой заманчивые перспективы

---

[1] Илья Ильф, Евгений Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. 2, стр. 11.

[2] там же, стр. 13, 14.

[3] там же, стр. 30.

[4] там же, стр. 34.

жизни в Рио-де-Жанейро. При этом, однако, видно, что он интересуется и находится под влиянием образа жизни в США. В воображаемом разговоре с бразильским миллионером Остап употребляет такие выражения: "алло сэр", "ол райт", "джентльмен в обществе джентльменов делает свой маленький бизнес".[1]

Не только Бендера занимают мысли о США. Шофер Козлевич мечтает, как он будет возить арбатовцев по воскресеньям за город на прогулки и как отцы семейств, "с уважением смотря на кожаную спину шофера", будут его расспрашивать, "как обстоит автомобильное дело в Североамериканских Соединенных Штатах" и правда ли, что Форд ежедневно покупает себе новый автомобиль.[2]

Для Бендера Америка - это страна счастья; но счастье нужно ловить, оно само в руки не дается. Потому он настойчиво добивается своего миллиона и для этого преследует подпольного миллионера Корейко. Он поет Шуре Балаганову детскую песенку: "Ах, Америка - это страна, там гуляют и пьют без закуски".[3] Если в самом деле существовала в то время такая детская песенка, то это очень интересный признак популярного мнения про Америку.

---

[1] там же, стр. 31.

[2] там же, стр. 37.

[3] там же, стр. 79.

Очевидно интерес к Америке растет в Советском Союзе. В ранних 20-ых годах он сводится к модному танцу "уанстеп Дикси"[1] и бойкой торговле открытками с портретами Дугласа Фербенкса и Монти Бенкса,[2] на которой Александр Иванович Корейко "прибавил к своему капиталу полмиллиона рублей".[3] Но в 1930 г. интерес распространяется на другие страны Америки. Появились летние рубашки "Парагвай",[4] поют модное танго "Под знойным небом Аргентины",[5] упоминаются Квебек[6] и Нью-Фаундленд, пампасы и Сандвичевы острова.[7] США упоминаются много раз в различных разговорах разных людей. На это, само собою, существуют конкретные причины. По словам Бендера, США - это страна "с которой мы имеем торговые связи".[8] Эти торговые связи выражаются тем, что в автопробеге идут "паккарды", "студебеккеры",[9] ездят "бьюики", "линкольны" и "фордовские каретки",[10] интурист

---

[1] там же, стр. 57.

[2] там же, стр. 64.

[3] там же.

[4] там же, стр. 16.

[5] там же, стр. 232, 251.

[6] там же, стр. 150.

[7] там же, стр. 185.

[8] там же, стр. 84.

[9] там же, стр. 75.

[10] там же, стр. 201.

возит иностранцев "кадилаками",[1] советские инженеры едут в США осматривать фабрики, строительство. В разговорах вспоминают Чарльза Линдберга,[2] в школах профучебы "бойкий учитель выводит мелом на доске кривую роста безработицы в Соединенных Штатах".[3] В это время молодежь, студенты одеваются в клетчатые ковбойские рубахи,[4] а пожилые люди говорят:- "Вот если бы мне миллион ...!", и кто-нибудь обязательно начинает рассказывать о том, как разыскивали наследников американского солдата Гарри Ковальчука, который оставил миллион долларов наследства.[5] К тому же часто встречаются американские туристы с "надменным заграничным видом",[6] американки в темных очках, которые любят сенсации и позировать для фотографов.[7] На открытие Восточной Магистрали едут четыре американских корреспондента, американец Хирам Бурман, который говорит довольно хорошо по-русски и которого наиболее интересует еврейский вопрос, и канадская девушка, которая взялась неизвестно откуда и неизвестно зачем.[8]

---

[1] там же, стр. 80.

[2] там же, стр. I50.

[3] там же, стр. 2I0.

[4] там же, стр. 79.

[5] там же, стр. 360.

[6] там же, стр. 8I.

[7] там же, стр. 297, 302.

[8] там же, 296-7.

Такими образом, советские граждане вынуждены думать об Америке. Это уже не страна Короленко. Это страна автомобилей, миллионеров и чудесной техники. Надежда возлагается на молодое поколение, которое будет думать, что деньги и собственность - это пошлость и представители которого не захотят быть миллионерами. Это должна доказывать глава "Дружба с юностью", где Остап хвалится своим миллионом перед группой студентов политехнического института.[1] По крайней мере таково мнение критики. Но молчание студентов и последующее бегство их из вагона скорее оставляют впечателение страха и желания оставаться подальше от непрятной и может быть опасной ситуации. Можно себе представить, что если бы этот роман был написан несколько лет позднее, когда соцреализм уже твердо укрепился в советской литературе, последняя оставшаяся в вагоне девушка стала бы в эффектную позу и произнесла бы речь полную презрения и ненависти к врагам советской власти и всем миллионерам вообще. Но у Ильфа и Петрова она только шепчет:- "Пустите!", когда Остап старается удержать ее.

Безусловно, оба вышеупомянутых романа не имеют претензии показывать Америку советскому читателю с какой-либо стороны, как это делают Короленко, Горький или

---

[1] там же, стр. 362-9.

Маяковский. Но для нашего анализа они ценны тем, что они доказывают интерес, существующий в Советском Союзе накануне появления "Одноэтажной Америки", описания собственных наблюдений двух обыкновенных советских граждан для других обыкновенных советских граждан.

ГЛАВА IV

"Одноэтажная Америка"

Последняя большая совместная работа Ильфа и Петрова - это "Одноэтажная Америка". В сентябре 1935 г. Ильф и Петров поехали как корреспонденты "Правды" в Соединенные Штаты Америки. Там они прожили более трех месяцев, из которых два месяца провели в дороге, пересекши Америку дважды из конца в конец. По свидетельству самих писателей, они побывали в 25 штатах и в нескольких сотнях городов, видели условия жизни в различных местах, говорили с многочисленными людьми и всюду встречали радушный прием и готовность помочь.

Писатели начали писать эту книгу еще в США, и некоторые главы в сокращенном виде были помещены в "Правде" во время их путешествия и сейчас же после их возвращения на родину. В целости "Одноэтажная Америка" была впервые опубликована в журнале "Знамя", в номерах 10 и 11, за 1936 г., а в 1937 г. вышла отдельным изданием. В то время такие критики, как Алексей Толстой, Лев Никулин и Б. Гроссман высоко оценили книгу Ильфа и Петрова.[1] Но были и иные оценки, которые называли книгу "явно неудачной"[2] и упрекали авторов в "некритическом" отношении

---

[1] И. Ильф, Е. Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. 4, стр. 589.

[2] А. Вулис, И. Ильф, Е. Петров, М. 1960, стр. 351.

к американскому образу жизни.[1] Такие же оценки преобладают и в настоящее время. Показательно то, что после 1937 г. в Советском Союзе не было отдельных изданий этой книги. Она появляется только в собраниях сочинений в 1939 и 1961 гг., с такими рецензиями: "Ильф и Петров увидели в Америке многое. Но, пожалуй, некоторым их обобщениям и наблюдениям не хватало широты и политической прозорливости ... Об агрессивности американского империализма Ильф и Петров не сказали всего, что могли бы сказать в своей книге".[2] В то время, как Алексей Толстой называет "Одноэтажную Америку" "чрезвычайно зрелой, художественно остроумной книгой",[3] а Б. Гроссман говорит, что "Одноэтажная Америка" - "лучшая книга Ильфа и Петрова, наиболее зрелый их труд ...",[4] А. Вулис, анализируя творчество Ильфа и Петрова в 1960 г. в книге на 374 страницы, посвящает только 20 страниц "Одноэтажной Америке" и между прочим говорит:- "Ахиллесова пята <Одноэтажной Америки> - в первую очередь недостаточная прозорливость этого произведения ... у Ильфа и Петрова получилась неувязка с перспективным осмыслением темы".[5] А.Н. Меньшутин

---

[1] И. Ильф, Е. Петров, Собрание сочинений, т. 4, М. 1961 стр. 590.

[2] там же, стр. 587.

[3] там же, стр. 598.

[4] там же, стр. 590.

[5] А. Вулис, И. Ильф, Е. Петров, М. 1960, стр. 370.

в своей статье об Ильфе и Петрове, появившейся в 1960 г., принимая апологетический тон, говорит, что "работа над <Одноэтажной Америкой> была отмечена рядом новых качеств", что Ильф и Петров "не отказывались от излюбленных средств комизма, которые, однако, использовались преимущественно в форме мягкого юмора, не лишенного подчас и лирической окраски ...", но что "такое отсутствие прямой сатирической направленности вовсе не свидетельствовало о каком-то ослаблении идейных позиции писателей".[1] Так видит критика "Одноэтажную Америку".

Оставим теперь "идейные позиции писателей" в стороне и посмотрим, какое впечатление может произвести это произведение на обыкновенного советского гражданина, читателя этой книги.

Ильф и Петров приехали в Нью-Йорк на пароходе "Нормандия". Можно сделать интересное сравнение их первого впечатления с впечатлениями их предшественников. У Маяковского находим такое место:-

> Тридцать лет назад В.Г Короленко, увидев Нью-Йорк, записывал:- "Сквозь дымку на берегу виднелись огромные дома в шесть и семь этажей ..." Лет пятнадцать назад Максим Горький, побывавши в Нью-Йорке, доводит до сведения: - "Сквозь косой дождь на берегу были видны дома в пятнадцать и двадцать этажей".

---

[1] АН СССР, Институт мировой литературы, История русской советской литературы, М. 1960, т. II, стр. 317.

> Я бы должен был, чтобы не выходить из рамок, очевидно, принятых писателями приличний, повествовать так: - "Сквозь косой дым можно видеть ничего себе дома в сорок и пятьдесят этажей ..." А будущий поэт после такого путешествия запишет:- "Сквозь прямые дома в неисследованное количество этажей, вставшие на ньюйоркском берегу, не были видны ни дымы, ни косые дожди ..."[1]

Вот как пишут Ильф и Петров десять лет спустя: "Берега еще не было видно, а нью-йоркские небоскребы уже подымались прямо из воды, как спокойные столбы дыма ... В солнечном дыму смутно блестели стальные грани ста-двухэтажного <Импайр Стейт Билдинг>".[2] На фоне небоскребов не производит никакого впечатления "небольшая зеленая"[3] статуя Свободы. Наконец наши путешественники попадают с парохода в таможенный зал, где чиновник "вежливо коснулся пальцами верхнего слоя вещей и больше не стал смотреть".[4] В такси шофер "иногда ... посматривал (на писателей) поощрительно, и на лице у него было написано:- <Ничего, не пропадете! В Нью-Йорке еще никто не пропадал>".[5]

---

[1] В. Маяковский, Полное собрание сочинений, М. 1958, т.7, стр. 325-6.

[2] И. Ильф, Е. Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. 4, стр. 14.

[3] там же, стр. 15.

[4] там же, стр. 15.

[5] там же, стр. 16.

Это напоминает нам более пессимистическое настроение Короленко, когда Нилов говорит Матвею, что тут (в Америке) многие пропадают. Ильф и Петров не могут дождаться следующего дня и в тот же вечер идут осматривать город. Перед нами встает вечерний Нью-Йорк во всем своем блеске, шуме и гармидере, со скачущими электрическими рекламами, с большими витринами магазинов, с многочисленными кинотеатрами на Бродвее, в одном из которых идет советский фильм, с вопящими газетчиками, и в то же время с тусклыми узкими и вонючими улицами китайского или итальянского района, с ночлежным домом Армии спасення, в котором спасают душу но "не предлагают работы" нищим. Ильф и Петров заключают свои первые впечатления о Нью-Йорке такими словами: "Поздно ночью мы вернулись в отель, не разочарованные Нью-Йорком и не восхищенные им, а скорее всего встревоженные его громадностью, богатством и нищетой".[1] Далее следуют очень детальные описания нью-йоркских гостиниц, лифтов, мебели, даже оберточной бумаги и бандеролей на пачечках сигарет и сигар. Следуя за авторами, мы видим дневной Нью-Йорк с толпой спешащих прохожих, мальчишками-чистильщиками сапог, уличными фотографами, какого-то пропагандиста, который произносит речь в тени моста для двух десятков любопытных слушателей, толстую негритянку из Армии спасения. Дальше

---

[1] там же, стр. 24.

перед дверями какого-то магазина прогуливаются пикетчики с плакатами: "Здесь бастуют".[1] Одним словом, проходит перед нами множество самых разнообразных людей с самыми разнообразными занятиями. Потом следует очень подробное описание "Кафетерии" со всевозможными закусками и кушаньями, холодными и гарячими, описания автоматов и дешевых ресторанов, где обедают средние американцы, зарабатывающие 30 дол. в неделю. "Нет таких деликатесов мира, которых не мог бы предложить Нью-Йорк. Но за все это надо платить доллары. А мы хотим говорить о подавляющем большинстве американцев которые могут платить только центы и для которых существуют Чайльдз, кафетерия и автомат. Описывая эти заведения, мы можем смело сказать - так питается средний американец".[2] Итак, при первом знакомстве советского читателя с американским бытом, гражданин Совесткого Союза видит, что средний американец (которых "подавляющее большинство"), может иметь за свои центы множество вещей, например: "... супы, куски жаркого, различной толщины и длины сосиски, окорока, рулеты, картофельное пюре, картофель жареный и вареный и сделанный в виде каких-то шариков, маленькие клубочки брюссельской капусты, шпинат, морковь и еще множество различных гарниров." Дальше идут: "... салаты и винегреты, различные закуски, рыбные майонезы, заливные рыбы.

---

[1] там же, стр. 34.

[2] там же, стр. 38.

Затем хлеб, сдобные булки и традиционные круглые пироги с яблочной, земляничной и ананасной начинкой ... кофе и молоко ... На толстом слое струганого льда ... тарелочки с компотами и мороженым, апельсины и разрезанные пополам грейпфруты ... маленький и большие стаканы с соками".[1] Наверное все подобные блага были недоступны в Советском Союзе даже партийным, которые в то время имели пропуска в закрытые распределители. Что именно можно купить за доллары, Ильф и Петров так и не объясняют.

Однако, сейчас же после описания кафетерий и автоматов с их "идеальной чистотой, доброкачественностью продуктов, огромным выбором блюд"[2] следует замечание, что "вся эта красиво приготовленная пища довольно безвкусна"[3], потому что "в Америке дело народного питания, как и все остальные дела, построено на одном принципе - выгодно или невыгодно".[4] Авторы заявляют, что "сидя в кафетерии, мы читали речь Микояна о том, что еда в социалистической стране должна быть вкусной, что она должна доставлять людям радость, читали как поэтическое произведение".[5] Эта

---

[1]там же, стр. 35-6.

[2]там же, стр. 38.

[3]там же

[4]там же, стр. 39.

[5]там же

речь Микояна появилась в "Правде" 27 декабря, 1935 г.,[1] когда Ильф и Петров уже странствовали по США на своем автомобиле.

Очевидно советские граждане могли эту речь читать только как "поэтическое произведение". Предоставим слово самим Ильфу и Петрову для сравнения американской невкусной, но обильной пищи с пищей в Советском Союзе. В "Двенадцати стульях" читаем, что старухи смотрели на лозунги "Пища - источник здоровья", "Мясо - вредно" и думали "об исчезнувших еще до революции зубах, о яйцах, пропавших приблизительно в ту же пору ..."[2] Допустим, что это собес в захолустном провинциальном городке, и что заведующий обкрадывает старух. Но вот московская молодая пара, Коля и Лиза Колачовы. Коля работает в чертежном бюро "Техносила", за квартиру не платит. Едят они в вегетерьянской столовой одно первое и одно второе, честно разделенное пополам, потому что "мясо пробило бы в Колином бюджете огромную, незаполнимую брешь".[3]

Несколько лет позднее, в "Золотом теленке" Остап говорит: "А пророку Самуилу задают одни и те же вопросы:

---

[1]там же, стр. 589.

[2]там же, т. I, стр. 78-9.

[3]там же, т. I, стр. I66.

-Почему в продаже нет животного масла?"[1] Конечно все подобные мелочи не должны волновать нового советского гражданина. Только обитатели "маленького мирка" стремятся "как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода".[2]

В фельетоне "Халатное отношение к желудку", написанном в 1931 г., мы находим, как обстоит "дело народного питания" в Советском Союзе, а именно, как выглядит кооперативная столовая в городе Ярославле на берегу Волги. Основная задача администрации - это снабдить столовую достаточным количеством плакатов и лозунгов в прозе и стихах. Но зато: "скатертей вовсе нет, столы накрыты липкой нечистой клеенкой, а ножи и вилки прикованы цепями к ножке стола (чтоб не украли)."[3] Далее находим, что "заведующий - мыслитель сочиняет отчетный доклад, в коем точно указано, сколько калорий содержал поданный потребителям суп рыбный, сколько витаминов А пришлось на одну едоцкую единицу ..." А в это же время "едоцкая единица глядит на еле теплую котлету и отчаянно тоскует: - Почему эти калории такие

---

[1] там же, т. 2, стр. 72

[2] там же, т. 2, стр. 104.

[3] там же, стр. 497.

невкусные! И витамины какие-то неудобоваримые!"[1] Чтобы не думать, что так выглядит только одна столовая, в городе Ярославле, писатели объясняют, что "в кино и театрах, в кафе и учрежденских буфетах ситро подается по возможности горячим, а чай соответственно холодным. На вокзалах дело обстоит еще строже. Там не боятся того, что потребитель начнет жаловаться. Он обычно торопится на поезд ... и ему подсовывают все, что попадется под руку".[2]

Та же тема встречается в 1934 г. в фельетоне "У самовара".[3] Тут мы видим грязных официантов, грязные скатерти, засохшие цветы и "мокрые стаканы с рваными краями" в ресторане киевского вокзала, а из кухни ресторана московского вокзала разносится ужасный запах и котлетный чад. Советскому читателю, конечно, не нужно читать фельетоны Ильфа и Петрова для сравнения; он знает советскую действительность на практике.

Еще некоторое время писатели пробыли в Нью-Йорке, встречались и знакомились со множеством разных людей и наконец купили себе "форд" и вместе с мистером и миссис Адамс отправились в свое путешествие.

---

[1]там же, стр. 498.

[2]там же, стр. 499.

[3]там же, т. 3, стр. 310 -

Следуют самые подробные описания городов, дорог, гостиниц, ресторанов, встреч с различными американцами, индейцами, мексиканцами, и их вкусов, обычаев и настроений. В результате перед читателями восстает картина страны в целости, шумной, яркой, богатой, но необычайно стандартизованной, с крикливыми надоедающими рекламами, вечно движущейся, с замечательной техникой, со всеми ее хорошими и плохими сторонами. Их впечатления подсуммированы в следующем параграфе:-

> Автомобильная поездка по Америке похожа на путешествие через океан, однообразный и величественный. Когда ни выйдешь на палубу, утром ли, вечером ли, в шторм или в штиль, в понедельник или в четверг, - всегда вокруг будет вода, которой нет ни конца ни края. Когда ни выглянешь из окна автомобиля, всегда будет прекрасная гладкая дорога с газолиновыми станциями, туристскими домиками и рекламными плакатами по сторонам. Все это видел уже вчера и позавчера и знаешь, что увидишь то же самое завтра и послезавтра. И обед в штате Огайо будет такой же, какой был вчера, когда проезжали штат Нью-Йорк. Совсем как на пароходе, где перемена широты и долготы не вносит изменений в обеденное меню и распорядок дня пассажиров. В этом последовательном однообразии - колоссальный размах и несметное богатство Соединенных Штатов. Прежде чем сказать о Востоке Америки - это земля гористая, или пустынная, или лесистая, хочется сказать о ней самое главное, самое важное: это земля автомобильная и электрическая.[1]

---

[1] там же, т. 4, стр. 107.

Читатель, живущий на американском континенте, должен признать, что за последние 35 лет со дня написания книги в американском образе жизни очень мало что изменилось. Авторы пишут, что США - это не страна небоскребов. Их много только в Нью-Йорке и еще в нескольких больших городах. Большинство американцев живет в маленьких городах, где все дома одноэтажные и двухэтажные, причем все эти маленькие городки совершенно похожи друг на друга "как пять канадских близнецов, которых путает даже их нежная мама".[1] Это перекликается с Маяковским, который говорил:- "Если все американские города насыпать в мешок, перетряхнуть дома, как цифры лото, то потом и сами мэры города не смогут отобрать свое бывшее имущество".[2] Несмотря на это, жители таких городков совершенно довольны собой и своим городом и "ходят по своему Бродвею, задрав носы к небу".[3] Мы можем тут вспомнить Горького, который говорил, что он нигде еще не видел людей, так "трагикомически довольных собой".

Продолжая описание маленького города, авторы показывают нам "бизнес-сентер", где работают мужчины и

---

[1]там же, т. 4, стр. IOI.

[2]В. Маяковский, <u>Полное собрание сочинений</u>, М. I958, т. 7, стр. 332.

[3]И. Ильф, Е. Петров, <u>Собрание сочинений</u>, М. I96I, т. 4, стр. I02.

"резиденшел-парт", где домашние хозяйки занимаются уборкой в своих одноэтажных и двухэтажных домиках. У них много работы, потому-что в каждом домике шесть или семь комнат. Конечно, для советского читателя это звучит, как сказка. Советский читатель привык жить в комнатах-пеналах, где вместо мебели лежит матрац на четырех кирпичах,[1] как в общежитии имени монаха Бертольда Шварца, описанном в "Двенадцати стульях" и известном Ильфу в Москве из собственной практики. Но и в маленьких городках не лучше. В Вороньей Слободке из "Золотого теленка" в одной квартире живут не меньше десяти различных людей за перегородками, начиная от "ничьей" бабушки и кончая летчиком Севрюговым, героем Советского Союза. В 1935 г. существует такая же самая квартирная ситуация. В рассказе "Старики" Ильф и Петров описывают, как распределяются новые квартиры:-

> Обычай таков: первым глухой ночью в новый дом въезжает председатель правления, комендант с ночными сторожами торопливо перетаскивает его вещи. За председателем, естественно, вкатывается в дом его заместитель; далее, естественно, следуют члены правления: они мчатся на быстроходных грузовиках, из которых в разные стороны торчат матрацы и фикусы. На рассвете, кусая друг друга, вселяются члены ревизионной комиссии, эти основные борцы за справедливость. И к утру обычно дом, в котором еще не везде есть стекла и полы, уже заселен. Бегай после этого, доказывай свою правоту, судись! Все равно - уже поздно.[2]

---

[1] там же, т. I, стр. 163.

[2] там же, т. 3, стр. 370.

В это же время "обыкновенные" советские граждане живут по шесть человек почти чужих друг другу, на I9 квадратных метрах.[1]

Америка - это страна автомобильная и электрическая. Автомобиль в Америке вездесущ. В Нью-Йорке на углу Пятой авеню и 42-ой улицы "за пять минут скопляется такое количество автомобилей, какого нет во всей Польше".[2] Такое сравнение очень характерно для "Одноэтажной Америки". Авторы никогда не сравнивают чего-либо с Советским Союзом, а всегда с Польшей, или с Францией, или с Италией.

В то время, как автомобили встречаются везде и всюду, пешеходов можно увидеть только в Нью-Йорке и других больших городах. В маленьких городах улицы пустынны, прохожих нет, только есть автомобили. Возле домика с двором "обязательно стоит легкий дощатый, не запирающийся на ключ гараж".[3]

Американские автомобили ездят по дорогам, которые "подобно дорогам древнего Рима, построены на вечные времена".[4] И авторы посвящают описанию американских

---

[1] там же, стр. 369.

[2] там же, т. 4, стр. 33.

[3] там же, т. 4, стр. IO3.

[4] там же, стр. 9I.

автомобильных дорог целую Десятую главу, но говорят, что "они стоят даже большего - целой вдохновенной книги".[1] Мы узнаём, что, "стоимость автомобильного путешествия в Штатах гораздо ниже, чем в Европе".[2] Кроме того, "иностранец, даже не владеющий английским языком, может с легкой душой выехать на американскую дорогу. Он не заблудится здесь в чужой стране. В этих дорогах самостоятельно разберется даже ребенок, даже глухонемой. Они тщательно перенумерованы, и номера встречаются так часто, что ошибиться в направлении невозможно".[3] Несмортя на миллионы автомашин, которыми ездят американцы, в США есть также регулярное автобусное сообщение "в любое время суток, в любое время года" и стоит оно "вдвое дешевле, чем по железной дороге".[4] Авторы делают заключение, что "дороги - одно из самых замечательных явлений американской жизни".[5]

Для сравнения мы можем вспомнить неоднократные описания дорог, по которым путешествовал Остап со своими товарищами в "Золотом теленке". Шоссейная дорога от Удоева до Черноморска "протянулась тысячеверстной западней".[6]

---

[1] там же, стр. 90.

[2] там же, стр. 94.

[3] там же, стр. 95.

[4] там же, стр. 97.

[5] там же, стр. 96.

[6] там же, т. 2, стр. 77.

В этой же главе об американских дорогах мы находим описание знаменитого американского "сервиса". В примечаниях к "Одноэтажной Америке" в Собрании сочинений 1961 г. говорится, что Ильф и Петров "подчеркивали, что в Америке на внимание и предупредительность может рассчитывать только тот, кто имеет доллары".[1] Предоставим слово самим авторам.

> Наша машина мчалась сквозь строй газолиновых станций, на каждой из которых было шесть, восемь и даже десять красных или желтых колонок. У одной из них мы остановились, чтобы наполнить бак ...
> Здесь мы услышали слово "сервис", что означает - обслуживание.
> Бак наполнен, и можно ехать дальше. Но джентльмен в полосатой фуражке и кожаном галстуке не считает свою миссию законченной, хотя сделал то, что ему полагалось сделать, - продал нам одиннадцать галлонов бензина, ровно столько, сколько мы просили. Начался великий американский сервис.
> Человек с газолиновой станции открывает капот машины и металлической линейкой с делениями проверяет уровень масла в моторе...
> Затем проверяется давление воздуха в шинах ... Лишний воздух выпустят, если его не хватает - добавят.
> Затем полосатый джентльмен обращает внимание на ветровое стекло. Он протирает его чистой и мягкой тряпкой. Если стекло очень загрязнилось, оно протирается особым порошком.
> Все это проделывается быстро, но не суетливо. За время этой работы, которая не стоит путешественнику ни цента, человек с газолиновой станции еще расскажет вам о дороге и о погоде, стоящей по вашему маршруту.

---

[1] там же, т. 4, стр. 589.

Итак, все в порядке и, казалось бы, ничего больше в области обслуживания автомобиля уже нельзя сделать. Но здесь размягченному сервисом путешественнику начинает казаться, что правая передняя дверца машины недостаточно плотно захлопывается. Благожелательно улыбаясь, полосатый джентльмен извлекает из заднего кармана инструменты - и через две минуты дверь в порядке.

Кроме того, путешественник получает превосходную карту штата, напечатанную какой-нибудь нефтяной компанией ... Все они (карты) отлично напечатаны на прекрасной бумаге, очень легко читаются и дают абсолютно точные и самые последние сведения ... если на какой-нибудь дороге идет серьезный ремонт, то и это указано в карте. На ее оборотной стороне перечислены гостиницы и туристские домики, в которых можно переночевать. Перечислены даже достопримечательности, расположенные на пути.

Весь сервис есть бесплатное приложение к купленному бензину. Тот же сервис будет оказан, даже если вы купите только два галлона бензина. Разницы в обращении здесь не знают. Какой-нибудь старенький "шевролишка" и рассверкавшийся многотысячный "дюзенберг". чудо автомобильного салона тысяча девятьсот тридцать шестого года, встретят здесь одинаковое ровное, быстрое и спокойное обслуживание.[1]

Наиболее частое обвинение, выдвигаемое в Советском Союзе по адресу Америки - это безработица. Интересно, что за 4 месяца общения с американцами Ильф и Петров лично встречаются только с двумя или тремя безработными. Одного из них они увидели в Скенектеди. Он продавал "пап-корн" напротив фирмы "Дженерал Электрик". Это оказался волыняк, который копал уголь в шахтах, потом работал на ферме батраком, а последние шесть лет был безработным. Когда его спросили, почему он не возвращается

---

[1] там же, т. 4, стр. 91-94.

домой на Волынь, он ответил:- "Да там еще хуже. Люди пишут - вери бед".[1]

Другого безработного они подобрали по дороге, когда выезжали из Амарилло в штате Техас. Он назывался Робертс и охотно рассказал им свою историю. Он окончил "гай-скул", работал на маленькой консервной фабрике, а его жена была учительницей. Два года тому назад жена его упала с лестницы и переломила себе позвоночник. После этого несчастья они совершенно разорились, все пошло на лечение жены. Но Робертс не жалуется, а спокойно говорит:- "Ничего не поделаешь. Мне не повезло".[2] Для читателя авторы делают вывод, что так думать примитивно, что "Робертса ограбили доктора",[3] и что это несправедливо. Однако сам читатель легко может прийти к заключению, что сломать спину - это действительно большое несчастье даже при самом справедливом общественном устройстве, и наверное обратит внимание не то, что за предыдущие четыре года совместной жизни молодая пара приобрела себе восемнадцать породистых коров и автомобиль и скопила две тысячи долларов. Кто знает, может быть и сами писатели остались не совсем удовлетворены своим

---

[1]там же, стр. II3.

[2]там же, стр. I99.

[3]там же.

выводом. Они заключают такими словами:- "Черт бы побрал этих техасцев! Они умеют пасти коров и выносить удары судьбы".[1]

Вообще американцы производили на авторов противоречивые впечатления. Еще в Нью-Йорке они говорят:-

> ... чем больше мы видели людей и вещей, тем меньше мы понимали Америку. Мы пытались делать обобщения. Десятки раз в день мы восклицали:
> - Американцы наивны , как дети!
> - Американцы прекрасные работники!
> - Американцы ханжи!
> - Американцы - великая нация!
> - Американцы скупы!
> - Американцы бессмысленно щедры!
> - Американцы радикальны!
> - Американцы тупы, консервативны, безнадежны!
> - В Америке никогда не будет революции!
> - Революция в Америке будет через несколько дней![2]

Позднее на конкретных примерах мы видим, что "американцы редко бывают хвастунами",[3] что они общительны и любят поговорить, но не любопытны, т.е. не расспрашивают; что они всегда готовы помочь в беде и при том без денег. Когда машина наших путешественников попала в канаву, "спасители" накинулись на них "как коршуны".[4] Авторы говорят:- "Вытащивший нас на дорогу американец не

---

[1]там же, стр. 200.

[2]там же, стр. 129.

[3]там же, стр. 193.

[4]там же, стр. 202.

пожелал даже выслушать нашей благодарности ... О том, чтобы предложить деньги за помощь, даже и говорить нельзя. За это могут страшно обругать".[1] Другой американец, директор школы, следует за нашими путешественниками без их ведома в мексиканскую деревню, куда они повезли раненого мексиканца, чтобы быть свидетелем в случае возможного недоразумения.

Эта черта - готовность помочь - распространяется и на блюстителей порядка, т.е. полицейских. Будучи еще в Нью-Йорке, наши путешественники описывают такую картинку:-

> Громадный полицейский стоял, прислонившись к стене дома. Над его широким повелительным лицом сиял на фуражке серебряный герб города Нью-Йорка. Заметив неуверенность, с которой мы шли по улице, он направился к нам навстречу, но, не получив вопроса, снова занял свою позицию у стены, величавый и подтянутый представитель порядка.[2]

В Чикаго мы снова встречаемся с полицейским, который "распек" наших путешественников за то, что они оставили машину на Мичиган - авеню. Он сам переставил машину в другое место, следил, чтобы ее не украли, и был очень сердит. Но наконец он "захохотал страшным басом и сказал:- Ну, езжайте. И в другой раз помните, что это Чикаго, а не Нью-Йорк".[3]

---

[1]там же, стр. 203.

[2]там же, стр. 21-2.

[3]там же, стр. 175-6.

Многое еще нравится писателям в Америке: точность, деловитость, радушие, гостеприимность. Американцы не говорят на ветер, а всегда держат слово. В соответствующих описаниях читатель может увидеть еще одну интересную черту американского народа, а именно, уважение к убеждениям собеседника, особенно если этот собеседник иностранец, и желание сделать ему приятное. Только этим можно объяснить то удивительное единодушие, с каким все встречные без исключения хвалят Советский Союз в разговоре с авторами. Еще одно интересное место, поддерживающиее этот вывод, встречается в Главе восьмой, где наши писатели произнесли речь по-английски на собрании журналистов в отеле "Амбассадор". "Речь имела потрясающий успех. Члены клуба <Немецкое угощение> аплодировали ей очень долго. Только потом уже мы выяснили, что большинство членов клуба не разобрало в этой речи ни слова, ибо странный русско-английский акцент оратора совершенно заглушил таившиея в ней глубокие мысли".[1]

Большое внимание уделяется писателями их спутнику и проводнику, мистеру Адамсу. Это был инженер, по фамилии Трон, побывавший во многих странах, знающий много языков, начитанный, любознательный. У него было много смешных сторон. В письме к жене от 10 декабря, 1935 г.,

---

[1] там же, стр. 71.

Ильф говорит: "- Это Пиквик. Ездить с ним очень прятно и смешно ..."[1] Он очень любит свою родину и старается показать ее Ильфу и Петрову со всеми хорошими сторонами и недостатками.

А.Н. Меньшутин говорит, что в "Одноэтажной Америке" авторы сравнивают основные противоречия капитализма с преимуществами социалистической системы.[2] Кажется очень сомнительным, чтобы советский читатель, прочитавши эту книгу, нашел бы очень много преимуществ социалистической системы. Кроме высокого бытового уровня жизни американского народа, повидимому доступного большинству, советский читатель не может не обратить внимания на такие подробности, как выборы нескольких кандидатов, открытые границы в Мексику и в Канаду, возможность передвижения по всей стране без надобности предъявлять документы, авиационные заводы и военные строительства, доступные для всех, без боязни врагов народа и саботажа. Наверное советского читателя должна поразить легкость, с которой кто-нибудь может попасть на личное интервью с автомобильным королем Фордом или увидеть президента Соединенных Штатов в его собственном кабинете. Авторы указывают читателю на многие

---

[1] там же, стр. 558.

[2] АН СССР, Институт мировой литературы, <u>История русской советской литературы</u>, М. 1960, т. II, стр. 319.

недостатки американской жизни. Они, например, говорят:-

> Совеременная американская техника несравненно выше американского социального устройства. И в то время как техника производит идеальные предметы облегчающие жизнь, социальное устройство не дает американцу заработать денег на покупку этих предметов.[1]

Тут читателю могут вспомнится слова тех же самых авторов, что в Америке все построено на одном принципе: выгодно или невыгодно. Если бы обыкновенный американец не имел возможности купить все "идеальные предметы, облегчающие жизнь", то очевидно большим компаниям было бы невыгодно из делать. Оказывается, что американцы - это белые рабы, и что наибольший страх в США - это потерять работу, потому что тогда отберут все приобретенное в рассрочку.[2] Интересно, какой страх заставляет советских граждан симулировать сумасшествие и сидеть в доме сумасшедших, только чтобы не переходить чистки в советском учреждении?[3]

В Советском Союзе все принадлежит трудящимся, но, как показывают нам сами же авторы, автомобилем едет директор учреждения, а в новый дом вселяются члены комиссии по распределению квартир. В то же время американцы разъезжают автомобилями и живут в домах, которые принадлежат не им, а финансовым компаниям.

---

[1] И. Ильф, Е. Петров, Собрание сочинений, М. I96I, т. 4, стр. I23.

[2] там же.

[3] там же, т. 2, стр. I82.

Несправедливости социального устройства тоже встречаются довольно часто в Советском Союзе. Между 1933-35 гг. находим целый ряд фельетонов Ильфа и Петрова на злободневные темы. В фельетоне "Человек с гусем"[1] описывается, как все можно купить "по блату", т.е. по знакомству, в то время как в магазинах ничего нет. В "Директивном бантике"[2] видим, что "на Советский Союз есть два бездарных фасона пальто ... и четыре пугающих фасона женского платья".[3] В "Костяной ноге"[4] молодой доктор не может жениться на девушке, которую привез из Одессы, потому что у нее нет московского паспорта, а московский паспорт она могла получить только как жена доктора. Писатели предупреждают молодых людей, что "прежде чем прошептать милой:- Я вас люблю, - надо было решительно и сухо сказать: - Предъявите ваши документы, гражданка".[5] В "Деле студента Свирановского"[6] студент - ударник засуживается на два года тюрьмы из-за пятнадцатикопеечного трамвайного билета. В "Отце и сыне"[7] описывается, как хорошего студента

---

[1] там же, т. 3, стр. 225.

[2] там же, т. 3, стр. 276.

[3] там же, т. 3, стр. 281.

[4] там же, т. 3, стр. 298.

[5] там же, стр. 304.

[6] там же, стр. 364.

[7] там же, стр. 398.

исключили из института, потому что его отца приговорили к двум годам лишения свободы. Отец просидел два месяца и снова был взят на работу, а студент так и остался за бортом. Мы встречаем тут интересную заметку: "Когда человеку объявляют, что он может идти на все четыре стороны, то это, собственно говоря, значит, что, несмотря на обилие сторон, идти некуда".[1]

Можно продолжать подавать примеры и делать сравнения. Однако уже ясно, что "Одноэтажная Америка" читалась обыкновенным советским читателем почти что как хвалебный гимн этой стране. Не удивительно поэтому, что советская критика относится к этой книге довольно холодно.

---

[1] там же.

ГЛАВА V

Позднейшие произведения с темой Америки

Очевидно США произвели на Ильфа и Петрова сильное впечатление. К сожалению, в это время обострилась болезнь Ильфа и через год он скончался, таким образом прерывая литературное содружество. До смерти Ильфа из-под совместного пера писателей появилось еще несколько вещей достойных внимания. Рассказ "Часы и люди", написанный в 1937 г.[1], с начала до конца посвящен неделовитости, неточности и неаккуратности советских служащих и учреждений. Тут же писатели делают вывод, что эти" так называемые пустяки, соединяясь вместе и дополняя друг друга, вырастают в явление значительное и важное, из-за которого стране недодают сотни машин, тысячи тонн угля, десятки кинокартин, сотни тысяч книг".[2] Все это прямо перекликается с явлениями американской действительности так ярко описанной писателями.

а. "Колумб причаливает к берегу".

Этот сатирический рассказ был написан писателями во время путешествия по США и впервые был опубликован в журнале "Крокодил" No. 20 в 1936 г. Тут высмеиваются такие

---

[1] И. Ильф, Е. Петров, Собрание сочинений, М. 1961, т. 3, стр. 401.

[2] там же, стр. 405-6.

явления американской жизни как "публисити", любовь к сенсациям, боксу и жевательной резинке. К Колумбу является американский репортер, который задает неизменный вопрос: "Как вам понравилась Америка?" и еще несколько подобных вопросов, и не дождавшись ответа что-то долго пишет. Рано утром к своему изумлению Колумб читает в газете, что "ему безумно понравились американки, что он считает их самыми элегантными женщинами в мире, что он является лучшим другом эфиопского негуса Селасси, а также собирается читать в Гарвардском университете лекции по географии".[1] Подобную характеристику нью-йоркской прессы мы встречали у Короленко, когда репортер увидел Матвея возле бассейна и двух мальчиков болтающихся в воде и написал, что "дикарь купает своих детей в водоеме на Бродвее".[2]

Американская "публистити" сейчас же приносит результаты, потому что вскоре появляются представители Голливуда и предлагают Колумбу главную роль в историческом фильме "Америго Веспуччи" по сценарию передланном из "Графа Монте-Кристо". Колумб потрясен всем виденным и слышанным, однако уже отвечает на вопросы: "О'кей!"

---

[1] там же, стр. 78.

[2] В.Т. Короленко, Повести и рассказы, М. 1953, стр. 408.

Вечером он излагает свои впечатления в письме к испанской королеве, где между прочим говорит, что "никогда еще не встречал таких оригинальных туземцев", но что "к сожалению, цивилизация их еще не коснулась".[1] Кончает он на более оптимистической ноте. Он говорит: "Моя жизнь находится вне опасности. Туземцы очень добры, приветливы и хорошо относятся к чужестранцам".[2]

Этот фельетон интересен тем, что он был написан писателями для американского журнала. Уже сам факт, что приезжие иностранцы пишут рассказ, высмеивая американский образ жизни, и его сейчас же печатают в этой стране, должен заставить призадуматься советского читателя.

б. "Тоня".

Последний совместный рассказ Ильфа и Петрова - это "Тоня". Он был впервые опубликован в журнале "Знамя" No. I2, I937 г., уже после смерти Ильфа. Темой этого большого рассказа снова являются Соединенные Штаты Америки. Рассказ наиболее интересен тем, что вперые в творчестве Ильфа и Петрова появляется позитивный герой. Это - Тоня Говоркова, муж которой едет в командировку в США. Возможно, что рассказ про Тоню был задуман как

---

[1] И. Ильф, Е. Петров, Собрание сочинений, М. I96I, т. 3, стр. 80.

[2] там же, стр. 8I.

отдельная глава "Одноэтажной Америки". В "Записных книжках" Ильфа находится такая заметка:

> Тоня, девушка, которая очень скучала в Нью-Йорке, потому что её "не охватили". Она сама это сказала. "Неохват" выразился в том, что танцам она не обучается и английскому языку тоже. И вообще редко выходит на улицу. У нее ребенок.[1]

Однако эта тема не вошла в "Одноэтажную Америку", а через год приняла форму отдельного рассказа. Начинается он с подробного описания путешествия молодых Говорковых в Америку. На вокзале Тоне провожают две подруг и ужасно завидуют, что она едет в "далекую таинственную Америку".[2] На пароходе Говорковы встречаются с тремя молодыми советскими механиками, которые едут работать и учиться на филадельфийский завод. Ни один из них не умеет говорить по-английски и они носят совершенно одинаковые новые синие костюмы с короткими штанами и узкие, вязаные галстуки.[3] Их шляпы слишком большого размера и налезают на уши. Все они чувствуют себя неловко между иностранцами и на пароходе образовывается "советская коллония".

---

[1] там же, т. 5, стр. 232.

[2] там же, т. 4, стр. 452.

[3] там же, стр. 454.

Мы узнаем, что Тоня - девушка скромная и без претензий. Она окончила семилетку, работала на фабрике и никогда не выезжала из Москвы. Сначала Америка ей очень понравилась. Для Говорковых уже приготовлена комната в советском полпредстве, "очень чистая, белая, с белой мебелью, с ванной и с собственной маленькой кухней",[1] а также с красивой белой газовой плитой и электрическим холодильным шкафом. В честь новых членов колонии устраивают "настоящую московскую"[2] вечеринку. В общем, Тоне замечательно хорошо. Когда Марья Власьевна, жена советника, советует Тоне чем-нибудь заняться, чтоб не скучать, Тоня говорит: "Почему же я буду скучать? Здесь очень интересно. Мне кажется, что я никогда в жизни не заскучаю в Америке".[3] И она начинает заниматься хозяйством и брать уроки английского языка. Но проходят дни и Тоня видит, что ей по целым дням нечего делать. Хозяйством тут заниматься слишком легко, на приготовление обеда уходит не более часа, на покупки тоже. За неделю она прочитала все русские книги, которые достала у своих новых знакомых, в кино ходить надоело. Вдруг

---

[1]там же, стр. 461.

[2]там же, стр. 463.

[3]там же, стр. 465.

Тоне начинает ненравиться все, что раньше так нравилось. Костя целыми днями на работе. Тоня еще крепится и пишет подругам в письмах, что ей страшно весело, чтобы их не разочаровать. Между тем, кождый раз, когда она получает письма из Москвы, Тоня тоскует и плачет. Тоня очень сердится на капиталистическую систему, которая ей "мешает жить". Когда у Тони рождается сын, Говорковы оказываются "совершенно разоренные, погрязшие в долгах".[1] Конечно, какой-нибудь менее сознательный читатель мог бы подумать, что главная причина в том, что советское правительство слишком мало платит своим служащим за границей, но Тоне это даже в голову не приходит.

Военный атташе понял, почему Тоня плачет. Он говорит: "Этому товарищи, есть специальное название. Ностальгия. Тоска по родине".[2] И Тоню посылают в Нью-Йорк праздновать Октябрьскую годовщину с работниками Амторга. Приехав в Нью-Йорк, Тоня неожиданно встречает тройку старых знакомых с парохода. Но "это были уже не застенчивые и костлявые юнцы в мешковатых синих костюмах ... На них были хорошо сшитые дешевые костюмы из магазина готового платья, тесные воротнички, прочные ботинки. Руки их были покрыты мозолями и царапинами.

---

[1]там же, стр. 476.

[2]там же, стр. 482.

Они казались настоящими американскими механиками. -"Гау ду ю лайк Америка?"[1] - спрашивает Тоня. К своему удивлению она слышит в ответ: "Замечательная страна. Чертовская техника. А как работают!"[2]

В конце рассказа приводится разговор Тони перед отъездом с американкой мисс Джефи, которая жалуется Тоне, что Америка - это очень скучная страна, что она никуда не может поехать, потому что это слишком дорого, что она никогда не выйдет замуж, потому что это слишком дорого, и что даже если выйдет замуж, то детей у них никогда не будет, потому что это слишком дорого. Она заключает словами: "У нас человек не может быть человеком. Это слишком дорого".[3] Само собой разумеется, что и оптимистические американцы иногда впадают в пессимизм, но чувствуется, что такое окончание сделано с тенденцией оставить у читателя неприятное впечатление об Америке.

в. Петров об Америке.

Наиболее интересным документом, который показывает впечатление произведенное Америкой на Петрова, является его неоконченный роман "Путешествие в страну коммунизма".

---

[1]там же, стр. 488-9.

[2]там же, стр. 489.

[3]там же, стр. 497.

Над этим романом автор работал с 1939 г. Действие романа происходит в 1963 г. когда в Советском Союзе, по мнению Петрова, уже должен был господствовать коммунизм. В.З. Роговин говорит, что "для Петрова характерен подчеркнуто реалистический подход к описываемому им коммунистическому обществу".[1]

Образ будущего коммунистического общества раскрывается перед читателем посредством восприятия американского журналиста, Юджина Питерса, и главы американской правительственной делегации, едущей в СССР, мистера Спрингфильда. Автор относится к этим героям с явной симпатией. В то же время в делегации едет также американский фабрикант оружия Фингльтон и его дочь Одри, девица легкого поведения. По словам Роговина "в этих образах Петров сатирически подчеркивает то обесчеловечивание человека, к которому приходит капиталистический мир".[2] Итак, мы видим замысел романа, построенного по принципам соцреализма, с "положительными и отрицательными героями, с "правдивым изображением действительности" (будущего) и с "пафосом жизнеутверждения".

Очевидно роман с самого начала задуман как сравнение

---

[1] АН СССР, Институт мировой литературы, Литературное наследство, М. 1965, т. 74, стр. 577.

[2] там же, стр. 580.

Советского Союза и Америки. Но автор говорит, что если у родителей есть два сына, одному из которых 25, а другому 10 лет, то их не будут сравнивать прямо, по зрелости или образованию. Так же и СССР нельзя так сравнивать с Америкой, как сравнивали эти две страны большинство журналистов и путешественников. Единственный правильный метод сравнения - это судить о стране по ее росту, предсказывая ее будущее.[1] Посмотрим ближе,каково же это будущее Советского Союза.

Теперь страна уже называется Союз Советских Коммунистических Республик. Мистер Спрингфильд, дипломат, говорит, что "советские дипломаты открыли совершенно новый принцип, которому неизменно следуют. Они всегда говорят то, что думают, и делают то, что говорят".[2] Тема Америка-Советский Союз повторяется очень часто. Американец Юджин Питерс, попавший в Советский Союз после долгого отсутсвия с 1939 г., говорит, что тут все такое же, как дома: "Американские просторы, американские расстояния, американские скорости, американские дороги, наконец, одноэтажные, забитые автомобилями городки".[3] Оказалась одна только разница

---

[1] там же, стр. 615.

[2] там же, стр. 584.

[3] там же, стр. 592.

- нет реклам. Комиссар Николаенко объясняет, что было одно время, когда "мы увлеклись американизацией и обезобразили рекламами все свои дороги".[1] Но тогда специальным указом Верховного Совета реклама была запрещена. Потребители получают каждый год подробные иллюстрированные прейскуранты.

Есть в этой книге много интересных подробностей. Московские американцы - дипломаты и их жены - говорят с заметным русским акцентом и иногда вставляют целые русские фразы. Одри, дочь миллиардера, туалеты которой стоят по пять тысяч долларов золотом, получает такой совет от миссис Траубридж: "Вам, милочка, надо будет приодеться в Москве".[2] Повидимому Москва диктует моду. Читатель не может не вспомнить тут Остапа Бендера с его центром мира, Нью-Москвой (Васюками). Неужели же сам Петров не увидел этой параллели?

Приезжие едут в Москву поездом, состоящим из совершенно одинаковых длинных спальных вагонов с полированным деревом, кожей и коврами, толстыми зеркалами, нагретыми простынями и полотенцами, с туалетной комнатой при каждом купе на одного пассажира. Классов на железной дороге уже давно не существует. Когда до

---

[1]там же, стр. 593.

[2]там же, стр. 586.

Москвы оставалось километров сто, из окна вагона в зареве города "ясно была видна сверкающая металлическая фигура человека с поднятой рукой".[1] Это была статуя Ленина встречавшая приезжих.

Из отдельных неразработанных набросков романа мы узнаем, что уже окончилась пятилетка комфорта и началась пятилетка роскоши, что вся черная работа выполняется механизированным способом, а человеческие силы применяются для изготовления цветов, духов, красивых украшений. На заседании Верховного Совета идут горячие споры о музыке и радио.[2] Есть люди, которые работают по I5 часов в день и с ними ничего нельзя поделать - они так увлекаются работой. Их не уволят, а если уволят, то все равно они получат по потребностям. Почему же они работают? Ими движет стремление к славе, честолюбие.[3] Кроме того, все люди очень красивы, элегантны, занимаются искусствами и все стали интеллигентами.

Одним словом, есть только богатство, но нет нищеты, есть искусство, но нет халтуры, есть техника и электрификация, но нет рекламы. Подобно тому, как Матвей Короленко думает, что в Америке будет все так же, как дома, только немножко лучше, так Петров думает, что в идеальном коммунистическом обществе, обществе будущего, будет все так же, как в Америке, только еще лучше.

---

[1]там же, стр. 593.

[2]там же, стр. 599.

[3]там же, стр. 6I9-20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные тут и приведенные для сравнения произведения, конечно, далеко не исчерпывают темы Америки в русской литературе. Но, по мнению автора этой диссертации, они являются наиболее репрезентативными и наиболее талантливыми, а тем самым, произведениями, оказывающими наибольшее влияние на воображение советского читателя. По свидетельству Вулиса, последующие описания США советскими писателями А. Аджубеем, Н. Грибачевым, Б. Изаковым, А. Софроновым только "подтверждают" "Одноэтажную Америку". "Американские дневники" Бориса Полевого, который путешествовал по США в 1956 г. как представитель "Правды", во многом напоминают "Одноэтажную Америку", а кроме того Полевой часто ссылается на авторов этой книги, подтверждая свои собственные впечатления.[1]

Безусловно, со времен Короленко образ Америки перешел основательные преобразования. Однако в популярном мнении об Америке все еще преобладают два главных элемента, появившиеся еще в повести "Без языка", а именно: это - страна противоречий и страна великих

---

[1] А. Вулис, И. Ильф, Е. Петров, М. 1960, стр. 368-9.

возможностей. Американское "take a chance" имеет свою параллель в традиционном "понадеялся на русский авось". Поскольку представление обыкновенного советского гражданина об Америке в большинстве случаев не может быть пополнено собственными впечатлениями, Америка остается для него страной недоступной и заманчивой; недоступной - потому что он не имеет возможности сам ее увидеть; заманчивой - потому что еще по словам Ленина, сказанным до революции, которые цитирует Анатолий Марченко в своих мемуарах из концентрационного лагеря, страйки и демонстрации негров и рабочих в Америке как раз и являются доказательством свободы и демократии, существующих в этой стране.[1]

---

[1] Anatoly Marchenko, "My Testimony", Reader's Digest, August 1969, p. 209.

БИБЛИОГРАФИЯ

Академия наук СССР, Институт мировой литературы, История русской советской литературы, Изд. АН СССР, Москва 1960, т. II.

Большая Советская Энциклопедия, Второе издание, Государственное научное изд. БСЭ, 1949-1958.

Вулис, А., И. Ильф, Е. Петров, Очерк творчества, Государственное изд. художественной литературы, Москва 1960.

Горький, М., Собрание сочинений, Государственное изд. художественной литературы, Москва 1950, т. 7.

Guerney, Bernard Guilbert, An Anthology of Russian Literature in the Soviet Period from Gorki to Pasternak, Random House, New York 1960.

Ильф, Илья; Петров, Евгений, Собрание сочинений, Государственное изд. художественной литературы, Москва 1961, 5 т.

Ilf & Petrov, The Twelve Chairs, Random House Inc., New York 1961, Introduction by Maurice Friedberg.

Ильф, И. и Петров, Е., Двенадцать стульев, Изд. имени Чехова, Нью-Йорк 1953.

Короленко, В.Г., Повести и рассказы, Московский рабочий, Москва 1953.

Краткая литературная энциклопедия, Советская энциклопедия, Москва 1966.

Литературное наследство, Изд. "Наука", Москва 1965, т. 74.

Marchenko, Anatoly, "My Testimony", Reader's Digest, Montreal, P.Q., August 1969.

Маяковский, Владимир, Полное собрание сочинений, Государственное изд. художественной литературы, Москва 1958, т. 7.

Omelchenko, Evgenii, Russian-American Register, Russian-American Register Publishing Co., New York 1920.

Slavonic Encyclopaedia, Philosophical Library, New York 1949.

Старков, А., "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" Ильфа и Петрова, Издательство "Художественная литература", Москва 1969.

Тимофеев, Л., Советская литература, Советский писатель, Москва 1964.

The Humor of Russia, Walter Scott Ltd., London 1895, Introduction by S. Stepniak.